

К

У

БЕЛИНДА
ТАНГ

А

Т

Р

Р

Т

А

РОМАН

У

Л

Белинда Танг

Карта утрат

«Фантом Пресс»

2022

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Танг Б.

Карта утрат / Б. Танг — «Фантом Пресс», 2022

ISBN 978-5-86471-943-5

Эпический дебютный роман, действие которого разворачивается на фоне меняющегося Китая после Культурной революции. Роман о мечтах и жизни, которые остаются позади. Итянь живет в Америке уже почти десять лет, когда мать сообщает ему по телефону, что его отец ушел из их деревенского дома и не вернулся. И хотя Итянь не видел отца все эти годы и расстались они, не простив друг другу то, что случилось много лет назад, он решает вернуться в Китай. Оказавшись в родных и уже таких чужих краях, Итянь пытается восстановить события прошлого и одновременно разобраться в непроницаемой для пришельца бюрократии Китая. Уклончивость, с какой ведет себя мать, лишь усугубляет ситуацию с поисками. Выход лишь один: обратиться за помощью к единственному человеку, который его когда-то понимал. Ханьвэнь – городская девушка, она родилась и выросла в Шанхае, мечтала поступить в институт и выучиться на инженера, но ее, как и всех выпускников городских школ, “распределили” в деревню, где бывшие школьники должны поднимать сельское хозяйство Китая. Там она встречает Итяня, так непохожего на остальных деревенских парней, тайком читающего книги и мечтающего получить образование, которое ему недоступно. Спустя годы Итянь преподает в американском университете, а Ханьвэнь – светская дама, жена высокопоставленного китайского чиновника. Встретившись через много лет, они отправляются на поиски пропавшего старика, погружаясь в прошлое – свое и страны. “Карта утрат” – тонкий роман о семье, прощении, о попытках изменить судьбу и о том, что такое истинный дом.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-86471-943-5

© Таг Б., 2022
© Фантом Пресс, 2022

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	34
Часть II	42
Глава 8	42
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Белинда Танг

Карта утрат

Моей бабуле

Ведать о том, кто отец наш, наверное, нам невозможно... Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди.

Гомер, "Одиссея"

Их цель – не место в истории. Их цель – они сами.

Ван Аньи, "Песня о вечной печали"

A MAP FOR THE MISSING by BELINDA HUIJUAN TANG

Copyright © 2022 by Belinda Huijuan Tang

Книга издана при содействии Jenny Meyer Literary Agency

© Анастасия Наумова, перевод, 2023

© «Фантом Пресс», издание, 2023

Часть I Отчий дом

老家

Глава 1

Январь 1993

– 你爸不见了

Если переводить дословно, это означает “твоего отца не видно”.

В трубке опять раздался голос матери:

– Твой Па пропал.

Он сидел в своем кабинете на факультете математики, эхо телефонного звонка разбивало тишину помещения, будто бы преисполненную важности научных изысканий. Прежде такого еще не случалось, международные звонки дорогие, поэтому на ту сторону Тихого океана он всегда звонил сам.

– Ты слышишь? – спросила мать.

Удивленный и тем, что слышит ее голос, и ее словами, он утратил дар речи.

– Да, мама, я тебя слышу, – выдавил наконец он.

Прижав к уху телефонную трубку, он быстро прикинул время. Сейчас в Пало-Альто ранний вечер, следовательно, в Китае даже утро толком не наступило. Чтобы позвонить ему, мать встала посреди ночи и прошла пятнадцать *ли*² до города промерзшими проселочными дорогами, уходя все дальше и дальше от деревни, пока не добралась до главной улицы городка, которая в этот час тихая и темная, и лишь изредка в темноте мелькают силуэты женщин, готовящихся открывать свои магазинчики. На обветшалой железнодорожной станции мать спросила кого-то из сонных пассажиров, в какую сторону ей ехать, а добравшись до города, она выловила в толпе прохожего с бесстрастным лицом и попросила того прочесть ей указатели. Лишь проделав столь долгий путь до центрального телеграфа, она смогла наконец-то позвонить ему.

От осознания этого желудок у него сжался. Рука, цепляясь за привычное удобство, стиснула обитый тканью подлокотник кресла.

В словах матери звучало такое отчаянье, что он на секунду отпрянул от телефонной трубки. Мать по-прежнему пребывала в убеждении, что когда говоришь по телефону, особенно если собеседник твой находится по ту сторону Тихого океана, следует кричать, и погромче. А чем громче она кричала, тем сильнее он боялся, что она переполошит весь математический факультет. Чтобы приглушить звук, он обмотал динамик трубки свитером.

² Ли – китайская мера длины, современная величина которой составляет 500 метров. – *Здесь и далее примеч. ред.*

В конце концов он успокоил ее настолько, что у нее хватило сил все растолковать. По ее словам, два утра назад отец ушел из дома, причем повесил на руку полиэтиленовый пакет, будто на целый день уходил. И не вернулся. Мать думала, он просто в соседнюю деревню пошел, родственника навестить или старого сослуживца по армии, однако она вынуждена признать, что ей пришлось побороть в себе сомнения. С чего бы отцу так поступать, ведь уже много лет он не покидал деревню.

Он глубоко вздохнул и пообещал матери приехать.

* * *

Итянь вздрогнул во второй раз: в дверь кабинета постучали, а затем послышался голос, такой характерный для Америки, неуверенный, полный понимания, что обладатель голоса наверняка помешал:

– Простите?

Итянь глянул на дверь. Он заметил, что стискивает руки с такой силой, что на коже проступили бело-красные пятна, и с изумлением обнаружил, что по кабинету разливается мягкий сумрак. Солнце уже село, а он и внимания не обратил, что наступил вечер.

На пороге стоял Стивен Сюн. Вид у него был встревоженный, на плече висел кожаный портфель. Телефонная трубка по-прежнему болталась на проводе.

– Я уже ухожу, просто решил заглянуть и спросить, все ли у вас в порядке. Услышал ваш голос, вот и зашел.

– Да, все хорошо.

Судя по схожему акценту – у Стивена он делался отчетливым только в окончаниях сложных слов, у Итяня еще никуда не делся, – им было бы намного проще общаться на китайском, однако Итянь следовал правилам, которые установил Стивен во время их знакомства. Стивен появился на факультете первым, он приехал из Тайваня лет на десять раньше Итяня. В беседе с американскими коллегами Стивен умел пошутить к месту, а имя Итяня произносил так, что оно казалось почти американским, но звучало при этом странно, как-то плоско, не имя, а раскатанная лепешка. Китайского имени Стивена Итянь вообще не знал.

Заметив, что Стивен вопросительно смотрит на телефонную трубку, Итянь поспешно положил ее на аппарат.

– Это мать позвонила... – про телефонный разговор все равно придется рассказать, но он решил ограничиться самым лаконичным объяснением, – возможно, мне придется слетать домой и помочь с отцом.

Стивен посмотрел на него – утомленно, как и при первой их встрече, а затем, к удивлению Итяня, вернулся к двери и пинком закрыл ее, после чего поставил портфель на пол. На факультете было принято держать двери кабинетов открытыми, “во имя духа единства”, как мягко сказал однажды декан, попросив Итяня не закрывать кабинет, поэтому Итяню нередко чудилось, будто за ним наблюдают.

Стивен вздохнул и оперся ладонями о стол.

– В их возрасте такое случается – сперва они тебе просто называют, а потом узнаешь о каком-нибудь внезапном недуге... – Китайский у него оказался вовсе не такой изящный, как ожидал Итянь. – Все уладится. Декан к таким вещам относится с пониманием и на несколько недель, пока вас не будет, непременно найдет кого-нибудь на замену. Думаю. Вы еще не поняли, но нам с деканом повезло.

Стивен принялся рассказывать о собственной матери, у которой двумя годами ранее обнаружили рак яичников, отчего он теперь вынужден периодически навещать в Тайвань. Итянь отрешенно слушал рассказ о больницах, домашних сиделках, экстренных поездках в Тайпэй, ощущении неизбывной безысходности. Такой длинной речи от Стивена он еще

не слышал, разве что однажды, когда они с супругой пригласили Итяня и Мали на ужин. Вечер тогда получился странный, а Итянь понял, что с утонченной семьей Стивена у него мало общего: выходцы из Тайпея, они знали свою родословную вплоть до королевских особ в эпоху династии Мин. Итянь отмалчивался – обронил лишь, что сам он родом из деревушки в провинции Аньхой, а дальше позволил Мали рассказывать о детстве, которое она провела в пекинском *хутуне*³. Итянь надеялся, что это им ближе. Общались они на английском, а на ужин жена Стивена без зазрения совести подала картонные коробки с едой из ресторана. Итянь понял, что они с Мали важными гостями не считаются. Прощаясь, хозяева предлагали непременно повторить встречу, однако никто из них новой попытки не предпринял.

Ни прежде, ни теперь Итянь не признавался Стивену, что уже восемь лет не был в Китае, а в родной деревне не показывался и вовсе лет пятнадцать. Он опасался вопросов – Стивен наверняка удивится, узнав, что он так давно не бывал дома. Для Стивена Итянь – хороший сын, отвечающий за своих родителей. Обязательства – ядро общей для них двоих культуры. Как объяснить, что пятнадцать лет Итянь не только пренебрегал своим сыновним долгом по отношению к отцу, но они даже ни разу не разговаривали за все это время? Да и Стивен все равно не понял бы.

– Все образуется, – проговорил Стивен напоследок.

Итянь осознал, что почти не слушал его.

– Спасибо, – сказал он.

– Не переживайте, ладно? – улыбнулся Стивен.

Вокруг глаз, за стеклами круглых очков, обозначились морщинки. Такие очки Итянь видел в фильмах шестидесятых годов. Он понимал, что старший коллега гордится, что помогает земляку советом, поддерживает. Проще всего просто кивнуть. Да и смог бы он объяснить, что понятия не имеет, какая помощь ему сейчас нужна?

* * *

Стивен ушел, а Итянь собрал бумаги, сунул в рюкзак и направился к машине. Домой он обычно ехал по живописному шоссе 280, но сегодня вместо приятного, но более длинного маршрута выбрал загруженную трассу 101 – хотел побыстрее добраться до дома и посоветоваться с Мали, как ему поступить.

Дома его ждало разочарование: на автоответчике Мали оставила сообщение – начальница попросила ее поработать сегодня подольше. Мали составляла базу данных для женщины-риелтора, которую называла “миссис Сюзанна” и которая в последнее время учила Мали проводить собственные сделки. Много лет назад, когда у Мали еще не было разрешения на работу, миссис Сюзанна единственная согласилась ее взять к себе, поэтому Мали никогда ей не отказывала.

Итянь полистал записную книжку, прикидывая, с кем бы посоветоваться. Матери не позвонишь – она его звонка не ждет и не сидит в ожидании возле единственного на всю деревню телефона, с которого сама звонить не может. Если позвонить друзьям, Цзюн Мину и Мэй Фану, то придется объяснять и растолковывать. Нет, Мали единственная, кто не потребует объяснений. Итянь уселся за обеденный стол и уставился на входную дверь, которую Мали украсила венком из искусственного плюща. Чтобы в доме было уютнее – так она сказала. Мали всегда думает о том, чего он учесть не в состоянии. Когда они въехали сюда, Итянь окинул взглядом голые оштукатуренные стены бежевых, песочных, светло-коричневых оттенков – он так и не научился их различать, – и внезапно его накрыло одиночество настолько пронзительное, что он оцепенел. Итянь не знал, догадалась ли Мали о его чувствах или ощутила нечто похожее,

³ Хутун – традиционная городская застройка в Китае, хутуны в больших городах сейчас считаются историческими памятниками.

но, как бы там ни было, именно она предложила развесить по стенам фотографии родственников и оживить квартиру растениями. Это помогло – здесь появилось ощущение дома. У нее всегда удачные идеи. Он знал, что пока не обсудит с Мали звонок матери, сам тоже толком не осмыслит то, что мать сообщила.

Когда Мали вернулась, он по-прежнему сидел, уставившись на дверь. Мали уронила объемистую стопку документов и бросилась к нему. Лишь когда она пододвинула кресло, уселась напротив, поставила локти на стол и взяла его руки в свои, он подробно пересказал разговор с матерью.

– И как ты поступишь? – спросила Мали.

– Я сказал, что приеду, – ответил он.

Матери он пообещал это, ни секунды не колеблясь. Инстинкт толкал его к действию. В плаче матери было отчаянье, а он – сын, отец которого пропал.

– Поедешь?

Итянь посмотрел ей в глаза и понял, что такого ответа она не ожидала.

– Ты не хочешь, чтобы я ехал?

– Не в этом дело. Просто мне кажется, в этом ничего особо странного нет. Ты не согласен? Он ушел из дома. Отправился прогуляться. Иногда пожилые люди забывают предупредить близких, это бывает. И вряд ли он далеко ушел.

Итянь смотрел на ее лицо, выискивая отсвет надежды, за которую он мог бы ухватиться. Мали выглядела такой уверенной, но ведь она всегда такая.

– Тебе предстоит долгий путь, – она прикусила губу, – а когда доберешься до них, он, возможно, уже вернется.

– Возможно.

Тем вечером практичность и оптимизм Мали не подействовали. На протяжении всех этих лет он так мало рассказывал ей об отце, в подробности и вовсе не вдавался, так что о напряженности в их отношениях Мали было известно, а о причине – нет. Она полагает, что старик просто отправился на закате дней навестить старых друзей. Вот только его отец уже долгие годы не покидал деревни, никогда не нарушал границ известного ему пространства – внутри него все для старика знакомо и привычно, там он защищен от опасностей, которые подстерегают, как он считает, в большом мире.

– Я не отговариваю тебя, – сказала Мали.

Она явно чувствовала, что допустила оплошность, – он это видел.

С момента их переезда в Америку Мали дважды навещала родных в Пекине, каждый раз отправляясь в путешествие с радостным ожиданием и чемоданом, набитым подарками.

– Если ты считаешь, что это поможет, то, конечно, поезжай.

Она поставила еду разогреваться, позвонила в авиакомпанию, чтобы забронировать билет.

– В один конец. На ближайший рейс. – Мали нахмурилась: – А пораньше точно ничего нет? Нам нужно срочно, по семейным обстоятельствам. – Она помолчала. – Ладно, бронируйте.

В подобные моменты его собственный английский сбивается на шаблонные формулировки из учебника. Одной рукой Мали проверяла, согрелась ли еда, другой крутила телефонный провод. Трубку она прижимала к уху. Как только у нее хватает сил оставаться такой хладнокровной и практичной? Его захлестнула благодарность.

Мали повесила трубку, взяла две тарелки и отнесла на стол.

– Завтра в четыре часа вечера вылет из Сан-Франциско. Пересадка в Сеуле. Билет я забронировала. Через день будешь дома. Хорошо?

Он кивнул. *Дома.* Это она так сказала. Не он.

* * *

Возможно, если бы они с отцом не прервали общение много лет назад, Итянь смог бы предположить, куда отец отправился, но Итянь не знал, как и чем тот жил последние пятнадцать лет.

Ночью он лежал рядом с Мали, но сон не шел. Бессонница его мучила нередко, поэтому в свое время они даже заказали для него особенно мягкий матрас. Мали же, по ее собственным словам, способна заснуть где угодно. Сегодня ночью мягкость матраса лишь раздражала его. Лежа в темноте, Итянь пытался представить, как спустя все эти годы выглядят отцовское лицо и тело. Он всматривался во мрак спальни и одну за другой восстанавливал отцовские черты. Сперва глаза. Представить их он не смог, разве что помнил, что они мутные. Веки нависают над зрачками, черными, словно вымоченная ливнем земля. Даже когда Итянь был совсем ребенком, глаза на лице отца будто бы принадлежали мужчине намного старше. В тех редких случаях, когда отец смеялся, эти нависающие веки мешали понять, добралась ли улыбка до глаз.

Затем рот. Он запомнился Итяню преимущественно ужасом, который охватывал его, когда отец открывал рот и выплевывал грубости. Во рту жило влажное гнилостное зловоние – это Итянь понял, лишь уехав из деревни. За всю свою жизнь отец ни разу не почистил зубы.

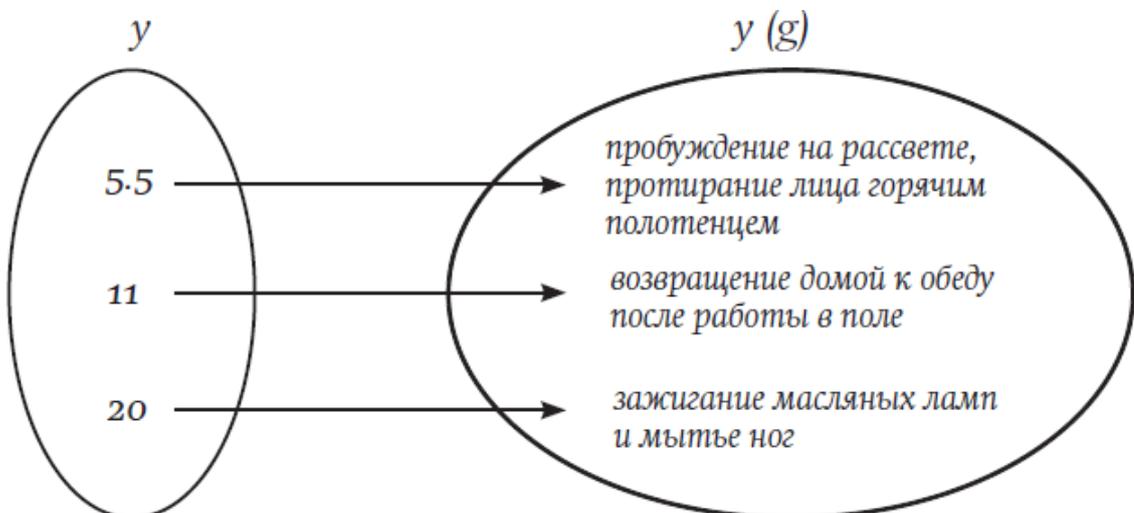
Итянь вылез из постели и огляделся в поисках клочка бумаги, чтобы облечь мысли в выводы. Тихое дыхание Мали выбивало его из колеи. Он вдруг затосковал по одиноким ночам своей прежней жизни, по рваному, нарушенному посторонними звуками сну.

Итянь прошел в кабинет, зажег настольную лампу и достал из ящика стола лист бумаги. Лампочка рисовала на гладком яично-белом листке продолговатые тени. Итянь принялся за то, что умел лучше всего – выстраивать математическую модель.

*Допустим, что $f(x)$ – время в Китае (в часах),
 x часов после полуночи, где:
 $\{x: x \in \mathbb{R}, 0 \leq x < 24\}$*

*следовательно, $f(x)$ – функция, определяемая как
 $f: x \mapsto (x + 16)$*

$g(y)$ – действия моего отца в y часов в деревне Тан, определяемые следующей диаграммой:

Тогда $g(f(x))$ – действия моего отца по калифорнийскому времени x ,

$$g(y) = \{ \text{комплекс действий моего отца в деревне Тан} \}$$

Легкое порхание карандаша прекратилось. Он не мог отбросить то, что область функций ограничена определенным пространством – границами деревни, ее двумя квадратными километрами, втиснутыми между речкой с одной стороны и полями с другой. И в то же время не мог растянуть область значений этих функций так, чтобы включить в нее дорогу, которая выходит из северо-западного угла деревни и по которой человек способен уйти из места, считающегося его домом. Да и вообще, кто знает, правильны ли эти функции? Долгие годы Итянь запрещал себе думать о доме. Как бы ему этого ни хотелось, он убеждал себя, что главное – это новая жизнь в Америке и все, чему ему предстоит здесь научиться. Печальные воспоминания только станут помехой. И все же возвращение домой представлялось ему более торжественным, в воображении рисовался и отец: осознав, чего Итянь достиг в Америке, он готов признать, что сын наконец исправил ошибки прошлого.

Итянь погасил лампу и вернулся в постель. На темном небе за окном пробивались первые рассветные лучи.

* * *

Когда на следующее утро Мали помогала ему собирать вещи, реальность вновь начала ускользать от Итяня. Он сидел на полу возле чемодана, куда Мали укладывала его одежду. Она сняла с вешалок рубашки и спросила, какие он хочет взять с собой, и Итянь вдруг понял, что понятия не имеет, какая одежда ему понадобится.

– Там в это время года какая температура? Этого достаточно? – спросила она.

– По-моему, более чем.

Итянь сложил последнюю пару брюк и сунул их в чемодан, скорее для вида – показать, что он не сидит тут без дела. Чемодан был заполнен лишь наполовину, между вещами оставалось пространство.

– Я еще с работы кое-что захвачу, – сказал он и поднялся.

С трудом выдвинув нижний, самый непослушный ящик стола, Итянь достал коричневый почтовый конверт, весь заклеенный марками – свидетельством немалого расстояния, которое письмо преодолело. Когда Итяня мучила бессонница, он иногда открывал ящик, доставал этот конверт и перечитывал письмо. Ему хотелось осознать прошлое, связать его с настоящим – представить, что произошло бы при другом раскладе, если бы он не расстался с Ханьвэнь, своей первой любовью. Впрочем, в те времена он не назвал бы это так – “любовь”. Это слово пришло позже, уже в Америке, когда он освоил язык, в котором есть названия разным чувствам.

Он сунул письмо в первый попавшийся под руку учебник. Старая любовь между страницами “Введения в топологию”. Она единственная оживляла учебник. В этом семестре никто из студентов не проявлял особого интереса к его предмету, и составление лекционного плана было обязанностью неблагодарной.

– Ты в такой момент способен думать о работе. Просто удивительно! – сказала Мали, когда он вернулся в спальню и положил учебник в чемодан.

Итянь сунул книгу между слоями одежды – чтобы быть уверенным, что с ней уж точно ничего не случится.

Глава 2

Деревня Тан, провинция Аньхой

Еще не открыв глаза, он знал, что находится дома. Видеть и не требовалось, да и время, совсем как прежде, он определил по ощущениям и звукам. Если темноту разбавлял приближающийся рассвет, если за окном погромыхивала тележка, если соседские кумушки будили мужей и детей, значит, вскоре мать придет за ночным горшком, содержимое которого отправится в компостную яму. Если же еще темно и тихо, мальчику разрешалось еще немного полежать в кровати рядом с дедушкой.

Он открыл глаза и за окном такси увидел знакомую сосну. Ее ветви, голые, как и в день его отъезда, приветственно склонились над дорогой. Будто прошел всего лишь день.

Чтобы разглядеть получше, он опустил стекло.

– Эй! – воскликнул таксист. – Холодно же!

Итянь не обратил на него внимания. Удивление, вовсе не такое уж и неприятное, подготовило его к встрече с матерью. Он так и не заснул ни в самолете из Сан-Франциско, ни во время турбулентности над Южной Кореей, ни в тряском поезде, следующем из Шанхая в Аньхой, – в купе, которое он делил с восемью другими пассажирами. Сев на завершающем отрезке путешествия в такси – Итянь позволил себе такой расход, обосновав тем, что потратил бы несколько часов, вникая в расписание автобусов, – он ощутил столь сильную усталость, что был не в силах даже ответить, когда таксист спросил, что он забыл в такой глуши. Итянь заснул, когда за окном замелькали новостройки Хэфэя, а проснувшись, увидел знакомые с детства пейзажи. Небо давило зимней серостью. Такси ехало по главной улице, а Итянь вглядывался в узенькие переулки, высматривая когда-то знакомые дома. Все они были из того же материала, что и раньше, – посаженных на глинистый раствор кирпичей, однако под заснеженными крышами со свисающими сосульками дома казались значительно выше, чем прежде. А вот сама деревня была меньше, чем ему запомнилось. Они проехали мимо углового дома, и Итянь пораженно ахнул: за приоткрытыми дверями он заметил стоящий на ветхом буфете квадратный телевизор.

– Дальше куда, начальник? – спросил таксист.

Улица закончилась, а крыши с потрескавшейся черепицей Итянь так и не увидел, поэтому и не знал, где свернуть.

– Я, похоже, поворот пропустил, – сказал он, – давайте назад вернемся?

Но крыши в каждом переулке были аккуратные, с тщательно уложенной черепицей. На таксометре мигали красные цифры.

– Высадите меня здесь, – попросил он, – я пешком дойду.

Итянь шагал по переулкам, ботинки скользили по снегу. Он уже жалел, что не позволил Мали положить в чемодан побольше теплой одежды. Свирепый ветер пробирался к телу, доказывая, что прятаться от него смысла нет. Такого холода Итянь не ощущал уже много лет. В Калифорнии не бывает настоящей зимы. Впрочем, настолько яростный зимний ветер редкость даже по местным меркам, он словно был дурным предзнаменованием, связанным с исчезновением отца. Итянь надеялся, что его отец, куда бы он ни ушел, надел самую теплую свою одежду и не страдает от холода.

В конце концов нужный переулок он отыскал. Итянь пропустил его, потому что крыша с осыпавшейся черепицей исчезла. Одноэтажное кирпично-глиняное строение из его детства выросло, обзавелось шиферной крышей, и стены были беленые. Он уже дважды проходил мимо этого дома, но только на третий раз признал старое строение, прячущееся внутри. Дом стоял чуть особняком. На такие дома деревенские жители показывают пальцем и шепчут: “Вот тут богатеи живут”.

От этой мысли Итянь ощутил прилив гордости. Дом отстроили благодаря деньгам, которые он присылал семье два раза в год. Даже когда они с Мали только-только переехали в Америку и расписывали недельный бюджет вплоть до самых мелких расходов, Итянь все равно отправлял матери чек. Иногда сумма едва превышала почтовые сборы за перевод, порой Мали показывала, как мало остается на жизнь им самим, и умоляла его отправить поменьше. Она протягивала руки, держа их ладонями вверх, и не сводила с него глаз. Видишь, ничего не остается. Как ей ответить, Итянь не знал. Для него забота представляла собой величину, которую невозможно поделить между теми, кто ему дорог.

У двери он замешкался. Его поднятая и сжатая в кулак рука дрожала. Он прижался лбом к новому деревянному полотну, почти ожидая услышать рычащий голос отца, в очередной раз напившегося среди бела дня. Вот-вот он распахнет дверь и, стряхнув с себя опьянение, скажет Итяню, что исчезновение – просто шутка, которую он устроил, потому что наконец-то решил его простить и заманить домой. Следом покажется и мать. Вытирая руки о передник, она извинится за обман. Они обнимутся, и все сойдется на том, что шутка того стоила.

Из-за двери не доносилось ни звука. В конце концов Итянь дернул за железное кольцо. Дверь приоткрылась.

– Есть кто дома? – крикнул он в пустой дворик.

Итянь поразился тому, как легко, без малейших усилий, дались ему слова на родном диалекте.

* * *

Мать раздобрела, живот и грудь у нее округлились, кости будто уступили место плоти. Мать уткнулась головой ему в плечо и погладила руки, словно для того, чтобы поверить в его приезд, ей непременно было нужно коснуться его. В воспоминаниях мать была выше, хотя этот ее новый облик вполне соответствовал его ожиданиям, а ее раздобревшее, но плотное тело было вполне под стать размашистым движениям и решительному голосу.

– Куда ж ты подевался?! – была первая ее фраза. – Я уж несколько дней тебя жду!

– Ма, сюда очень долго добираться.

– Ты ел? Я курицу вчера вечером зарезала – думала, ты вот-вот приедешь. Сейчас еду разогрею. Сколько ты за такси заплатил?

Она захлопотала, поставила кипятиться воду, отнесла его чемодан в спальню, и каждый раз, отходя от него хоть на пару секунд, она тут же возвращалась и задавала очередной вопрос.

Итянь не понимал, с чего начать. Отец пропал, но вот она мать – впервые за много лет рядом, живая, во плоти.

Пока мать кипятила воду для чая, Итянь не торопясь бродил по комнате. Он вдыхал знакомый запах – чеснока, пыли и работы. Комнаты мать по-прежнему содержала в чистоте. Вдоль стен все те же полки с выстроившимися на них банками с соленьями, рядом висят разделочные ножи и доски да старые, некоторые еще восьмидесятых годов, календари. В центре потрепанный постер – залитый таинственным светом горный пейзаж. Место, куда им никогда не попасть. Итяня поражала неприкрытая практичность этого жилища, так не похожего на американские дома, где главное – возможность уединиться и личное пространство. Услышав впервые словосочетание “жилая комната”, он, помнится, растерялся, ведь на самом-то деле все элементы жизни – стиралка, еда, сон – прятались за дверями. Настоящая жилая комната здесь – в этом старом доме, где ее никто так не называет, да тут и понятия такого просто нет.

Они с матерью уселись пить чай. Стоявший посреди комнаты стол был таким высоким, что Итянь чувствовал себя коротышкой. Мать неловко примостилась сбоку на деревянной скамье – она никогда не позволяла себе толком отдохнуть. Итянь неожиданно подумал, что последние несколько дней мать живет в этом доме одна – впервые в жизни одна.

– Па... – начал было он, и из глаз матери тут же брызнули слезы. – Никаких новостей? Она покачала головой.

– У нас в деревне все знают. И в городке рассказали. Я постаралась, чтоб побольше народа узнало. Но никто ничего не слышал. – Она нервно теребила завязку фартука. – И за что только твоему отцу все это?

– Мы его отыщем. – Уверенность звучала притворно, он и сам это слышал.

Итянь ничего не знал о том человеке, которым за эти годы стал отец. И как все теперь устроено в стране, он тоже не знал. Практической помощи ждать от него бессмысленно. Зачем он вообще приехал и как собирался помочь? Он тут всего-то пару часов, но уже ясно, что место это разрослось, что появилось пространство, где немудрено и затеряться.

– Я тут прикинул, как поступить. Может, сначала обратимся в полицию? – предложил он.

– В полицию?!

– Ну да. Подадим заявление. А они нам помогут.

– По-твоему, они там для этого сидят? Даже если ты придешь к ним без проблем, то там тебе их непременно найдут. Ты и впрямь слишком долго в Америке живешь.

– Но они, по крайней мере, с другими городами свяжутся. Разве нет?

Мать фыркнула:

– Ты думаешь, они там что, работают? Обзванивают другие города?

– Ладно, а что ты предлагаешь?

Мать не ответила, и он снова заговорил:

– Если ничего не выясним, давай все же поедem в полицию и подадим заявление. Они хотя бы в курсе будут. Заранее же не скажешь. В сельсовете еще есть тот фургончик?

– Смотри тут такое не скажи, засмеют ведь. Сейчас это называется “управа”.

Итянь остро ощущал свою чуждость. Он уже собирался расспросить мать, что еще теперь называется по-новому и как ему скрыть свою неосведомленность, но со двора донеслись шаги. Он вскочил. Мали оказалась права – надо было лишь немного подождать, и отец объявился сам.

– Вот и ты! – воскликнул возникший на пороге мужчина.

Щупленький и бодрый, он был намного ниже отца Итяня, но такой же громогласный, разве что в голосе вместо требовательной строгости звучала благодушная непринужденность.

– Ох... – вырвалось у Итяня.

Стараясь унять подпрыгнувшее сердце, он скрестил на груди руки в надежде, что никто не заметит сковавшего его напряжения. Эта внезапная окаменелость случалась редко, зато если уж нападала, то внезапно и безжалостно. Заправщик на бензоколонке как-то знакомо ссутулил плечи – понурая фигура, голова опущена, щетинистый подбородок в тени. На какой-то миг он увидел отца: вот тот, ссутулившись, затягивается подобранным с земли окурком; вот, подобрав ногу, на которую прихрамывает, привалился к стене, чтобы немного отдохнуть. От этих картин Итянь замирал. Одно-единственного жеста хватало, чтобы отправить его в прошлое.

Однако лицо гостя казалось смутно знакомым. Итянь силился разглядеть под морщинистой кожей привычные черты.

– Ты ж меня не забыл, да?

– Что за глупости! Разве Дядюшку забудешь? – встряла мать.

Ну конечно, как он мог его забыть. Этот человек с изборожденным морщинами плутоватым лицом – один из немногих отцовских друзей, если их вообще можно так называть. Двоюродный дядюшка Тан. В детстве Итянь видел его неизменно в тусклом свете лампы, вечером, когда Дядюшка с отцом выпивали или играли в карты и дом, прочие обитатели которого старались держаться от этой парочки подальше, сотрясался от приступов хохота. Днем Дядюшка таинственным образом исчезал. Его даже прозвали Янезнаю – именно так отвечала его жена, когда за Дядюшкой приходили из сельсовета.

– Кое-кто нашептал, что в наши снежные края приехал чужестранец с красивым чемоданом. Вот я и пришел у твоей матушки справиться, может, она чего знает.

Мать принесла чаю и подсолнечных семечек, а сама уселась на трехногий стул возле двери и принялась растирать колени. В присутствии гостя-мужчины она за стол не садилась.

– Даже не верится. Наш самый знаменитый земляк, Итянь Тан, домой вернулся. Ты приехал из-за отца, да? – Дядюшка сокрушенно покачал головой: – Чудные дела...

– А у вас какие-то соображения есть? – спросил Итянь. – Лучше вас его разве что Ма знает.

– Честно говоря, мы в последние годы мало общались. Он стал... – Старик запнулся и посмотрел на мать Итяня.

– Одиночкой, – подсказала она, – все больше особняком держится.

“Одиночкой”. Странно, что она выбрала именно это слово. Сама идея одиночества предполагает потребность в других людях, а для отца такие сложные чувства были несвойственны. Он играл с Дядюшкой в карты и выпивал, потому что эти занятия доставляли ему удовольствие. Если он и здоровался на улице с соседями, то лишь потому, что в деревне так принято.

– Па не из тех, кого называют одиночкой.

– Люди меняются, – Дядюшка пожал плечами, – посмотри на меня. Сколько лет жизни я потратил впустую! Пил, в карты играл! Я мог бы прожить совсем другую жизнь. А вот ты, – он наставил палец на Итяня, – ты всегда знал, чего хочешь от жизни. Твой отец в тебе ошибался. Сейчас мы все это видим.

Итянь было запротестовал.

– И такой скромник. Рядом с тобой, Тан Итянь, нам всем стыдно.

Итянь заметил, как мать гордо выпрямилась.

– У твоей матери была одна догадка, – сказал Дядюшка, – верно ведь?

– Ох, даже и не знаю... – Она покачала головой и уткнула взгляд в колени.

– Ма, у тебя и правда какие-то соображения есть? Ты вроде сказала, что нет.

Мать, словно школьница, вжалась от смущения в стенку и забормотала:

– Да не знаю даже. Но я тут подумала, что если твой отец и жил где-то кроме нашей деревни, то это в армейских казармах. И он столько рассказывал про тогдашнее свое житье-бытье. Может, ему захотелось на старости лет еще раз на казармы те глянуть. Посмотреть, не изменилось ли там все.

– Он в последнее время говорил о том, что собирается туда?

– Что собирается – нет, а вот старые свои байки рассказывал. Он то и дело их вспоминал.

– Я слышал, там все уже упразднили, – сказал Дядюшка.

– И я такое слыхала, да, но здания-то остались. Возможно, ему просто захотелось на них взглянуть.

Предположение матери рисовало образ куда более сентиментальный, чем тот человек, которого помнил Итянь. Однако других версий у них все равно не имелось, к тому же, если они начнут разрабатывать эту, появится ощущение полезности – все лучше, чем беспомощно сидеть дома.

– Ладно, – согласился Итянь, – сначала съездим в полицию, а после и про казармы подумаем.

– В полицию? – изумился Дядюшка.

– Он думает, в полиции ему помогут.

Дядюшка расхохотался и шлепнул себя по ляжкам. “Да что они вообще понимают? – подумал Итянь. – Мать даже читать не умеет, Дядюшка – деревенский пьянчужка, что бы он там ни говорил”. Мысль о том, что он примется рыскать по провинции в одиночку, без поддержки государственных служб, пугала Итяня. Отправиться в путешествие не пойми куда, не оставив предварительно заявления, – нет, такое у него в голове не укладывалось.

– Ладненько, пора нам пообедать, – сказала мать.

Она предложила Дядюшке поесть с ними, но тот покачал головой:

– Тетушка у меня тоже обед стряпает. – Он повернулся к Итяню: – Зайди к ней повидаться, пока ты здесь. Если время будет.

– Да, ты ведь давно ее не видел. Мы завтра придем, – сказала мать.

– Не уверен, что получится. Нам же надо Па искать...

Лицо у Дядюшки оскорбленно скривилось, и Итянь осекся.

– Ну да, ясное дело. Ты сейчас человек занятой, – сказал Дядюшка.

Когда Дядюшка вышел за дверь и уже точно не мог слышать, мать резко сказала:

– Ты чего грубишь? Это тебя в Америке научили так с людьми разговаривать?

Итянь забыл, насколько в этом мире пекутся о хороших манерах, жертвуя срочностью и логикой в угоду этикету. Даже если он действительно тревожится об отце, говорить об этом вслух не следует. Правильно было бы принять приглашение и не приходить – подобное более приемлемо. В Америке, он не сомневался, в такие моменты и речи не идет о вежливости. Впрочем, его отец тоже без зазрения совести выпроводил бы гостя, будь у него дела поважнее. Отец имел привычку говорить начистоту и ставить собственные желания превыше всего. По ночам, порядком нагрузившись, он просто вставал из-за стола и, не обращая внимания на гостей, валился в постель. Порой он даже тапки забывал скинуть, и они повисали на кончиках пальцев. Матери Итяня приходилось прощаться с гостями и сглаживать ситуацию, отчего позже по деревне поползли слухи на ее счет.

– Прости, Ма. Просто я не знаю, как долго смогу здесь пробыть.

Итянь подошел к матери, которая мыла в раковине чашки, и собрался взять ее ладонь. Так он обычно успокаивал Мали. Однако его тело тут же налилось тяжестью, пропиталось волнением – он вспомнил про местные традиции, ведь согласно им следует держаться на расстоянии от других людей. Никаких прикосновений тут не практикуют.

– Не знаешь, надолго ли приехал? Это почему?

– Я говорил с деканом факультета... – Итянь умолк.

Она все равно не поймет, если он пустится растолковывать, почему ему надо вернуться на работу и что такое ограниченный отпуск. Декану он солгал, сказав, что его отец серьезно заболел. На это декан, пожилой уже человек, за много лет не написавший ни единой стоящей научной работы, заверил его, что возвратиться он может, когда сам посчитает нужным.

Мать закрутила кран и спросила:

– Мали как, здорова?

Ма старалась говорить непринужденно, но Итянь чувствовал, что все это время ей не терпелось задать этот вопрос. Каждый раз, когда он звонил ей, она повторяла одно и то же. Он знал, о чем она спросила бы, будь у них более доверительные отношения. Почему Мали до сих пор не подарила ей внуков? Иногда он слышал, как американцы, его ровесники, шутят – мол, их родители ждут не дождутся внуков. Он сочувствовал им, хотя, судя по рассказам, этим родителям далеко до его матери, для нее это желание было по-настоящему глубоким, самым главным в жизни. Когда его родители прожили в браке столько лет, сколько сейчас – они с Мали, и сам Итянь, и его брат уже готовились в школу пойти. В те времена деторождение представляло загадочную, но естественную часть жизни, а не тот непонятный и сложный процесс, каким оно кажется сейчас.

– Мы подождем, пока толком не обоснуемся тут, – отвечал он матери, когда они с Мали только переехали.

Подсчитывая, сколько денег у них оставалось после расходов на квартиру, еду и аренду машины, он не представлял, как втиснуть в бюджет еще какие-то траты.

– Скоро займемся, – отвечал он матери потом, словно ребенок, отчитывающийся о домашнем задании.

Первые неудачи он списывал на невезение, но сейчас, спустя еще два года, их с Мали сомнения пустили глубокие корни. Очередное медицинское направление в клинику планирования семьи висело на холодильнике больше месяца, но они им так и не воспользовались.

Итянь делал вид, будто не замечает материнских намеков. Он знал, что пока он сам на откровенность не идет, мать ни за что не скажет, что ей хочется внуков. Он отвечал лишь, что у Мали все хорошо. Эта привычка уклоняться, имевшаяся у каждого из них, укоренилась так прочно, что едва ли не превратилась в инстинкт: все старались не говорить о темах неприятных и тревожных. Даже с Мали они избегали обсуждать визиты к врачу. В последний раз, когда у них почти затеплилась надежда, – это было больше года назад – Итянь вернулся однажды вечером домой и обнаружил Мали в ванной, она сидела на опущенной крышке унитаза и плакала, потому что у нее начались месячные. Он и не помнил, чтобы прежде она плакала. Выглядела Мали пристыженной. Сперва она спрятала лицо в ладонях, а после вытолкала Итяня из ванной и закрылась внутри, так что пришлось разговаривать с ней через дверь.

– Ничего страшного. Для меня ребенок – это неважно, – бормотал он, глядя на равнодушную дверь.

Итянь не лгал, он ведь и направление в клинику получил не из желания завести ребенка, а по инерции, полагая, что ребенок – признак того, что жизнь движется вперед.

– Зато для меня важно. – Мали распахнула дверь, и он увидел, что лицо ее искажено гневом. – Как ты не понимаешь?!

– Посмотри на меня, – проговорила мать, – когда-то не было в поле женщины сильнее меня, – она протянула ему руку, – но в последние годы я сделалась такой неуклюжей. Несколько недель назад резала сухую траву на растопку, и рука вдруг сорвалась. Ты только представь! Прежде я бы такой ошибки ни за что не допустила.

Эту историю про то, как рука у нее сорвалась и она порезалась, Ма еженедельно повторяла по телефону. Она подняла руку, показав Итяню белый неровный шрам рядом с глубокой линией жизни. Итяня поразило, какая у Ма грубая кожа. Его собственные мозоли давно сошли, и ладони у него были мягкие и беззащитные.

– Поэтому мне повезло, что у меня есть сын, который деньги присылает. Иначе кто бы позаботился обо мне, старухе? Подумай о своем будущем. Вот поэтому дети – это очень важно. – Мать вздохнула. – Хотя жизнь у нас была тяжелая, Небеса оставили нам тебя.

Даже не глядя на мать, Итянь знал, что она смотрит на стену над платяным шкафом, где висели два черно-белых портрета – дедушкин и брата. Подле фотографий курились яблочные и мандариновые благовония. К таким вещам мать относилась ответственно. Религиозной она себя не считала, но полагала, что лучше уважить всех покровителей жизни и удачи.

На снимке лицо у брата было еще по-детски припухлым. Впоследствии на смену этой припухлости придет волевой подбородок, благодаря которому брата будут считать привлекательным. К моменту смерти лицо его уже огрубело, еще пару лет – и он превратился бы в мужчину, увидеть которого им так и не довелось. Дедушкин портрет рядом с фотографией Ишоу был старым и выцветшим. Итяню казалось, будто неровные, свисающие до подбородка усы и ясный, вдумчивый взгляд свидетельствуют об учености. Мужчина на фотографии, пускай даже и выцветшей, словно готов был того и гляди открыть рот и прочесть подробную лекцию об истории империи. Эти два портрета, висевшие рядом, представляли странное зрелище, в настоящей жизни ни разу не состоявшееся. Брат и дедушка почти не разговаривали друг с дружкой, не из-за разногласий, просто жизненные пути их пролегали по-разному, да и представления о мире не совпадали. Дедушкиным любимчиком был Итянь.

Итянь перевел взгляд на лицо матери. В собственном доме она напоминала усталого путника. У нее нашлось бы немало поводов для упреков, но в ее глазах он ничего такого не увидел. И испытал досаду. Упреки вынести легче, чем эту готовность простить.

– Пора обедать, – сказала мать, приподняв крышку и выпуская из котла облачко пара.

Она посмотрела на полку, на предмет, который Итянь до этого не замечал. За банками почти спрятались маленькие часы – блестящий стеклянный циферблат в деревянном корпусе с вырезанными орхидеями.

– Ма, неужели тебе теперь часы нужны? Мы всегда думали, у тебя в голове собственные часы.

Мать обычно определяла время по солнцу.

– Они мне нужны, чтобы знать, когда твоего звонка ждать.

Ну разумеется, телефонный узел – единственное место, где время, в отличие от всей прочей деревни, не является понятием растяжимым и относительным. Итянь звонил каждое воскресенье ровно в восемь, то есть в четыре часа вечера предыдущего дня по Америке. Наверное, кто-то из соседских детей нарисовал матери схему – на каких цифрах должны быть часовая и минутная стрелки. Цифры относились к тем немногим письменным символам, которые она понимала.

– Я их купила на те деньги, что ты прислал.

Мать поставила блюда с рисом и тушеной курицей на стол, но Итяню пришла в голову другая мысль:

– Давай снаружи поедим?

Он взял палочки, положил в миску рис и курицу, прижал миску к груди и тремя пальцами другой руки подхватил тарелку с маринованными овощами. Мать последовала за ним. Они вышли во двор. Итянь смахнул снег с камней у порога и сел. Отовсюду ползли ароматы еды: жители деревни готовились обедать. Сколько же раз он вместе с Ишоу обедал здесь вот так, глаза на возвращающихся с поля мужчин с закинутыми на плечо мотыгами и здороваясь с ними. Вскоре и соседи выйдут и тоже усядутся у дома обедать. Будут болтать, но и молчать подолгу, вот как сейчас они с матерью, потому что в такие минуты еда – превыше всего. И это тоже своего рода проявление близости.

Глава 3

Октябрь 1977

Итянь сидел на старой деревянной табуретке под навесом и смотрел, как умирает дедушка. Мальчик несколько месяцев подряд приходил сюда и, устроившись посреди ржавой рухляди и мешков с высушенным зерном, читал книги и прислушивался к дедулиному слабому дыханию. В самом начале болезни они еще беседовали, но месяцы шли, и Итянь больше не мог не замечать ухмылки смерти. Спустя много лет в забытом углу университетской библиотеки он отыскал в медицинском словаре небольшую статью, посвященную раку печени, там последние дедушкины дни уместились в короткие абзацы, однако в детстве происходящее казалось таинством. Они столько раз вызывали знахаря, что дом пропах горькими целебными травами, и тем не менее дедушкины глаза все равно пожелтели, словно пропитанные солнечным светом, а кожа высохла и посерела.

Каждые несколько минут Итянь поднимался и растирал накрытые стеганым одеялом холодные ноги деда. Прежде эти ноги мальчик порой задевал во сне – когда они с дедом спали рядом на узкой деревянной койке, ложе это они делили семнадцать лет. Ишоу спал на тюфяке возле маминой кровати, чтобы защитить мать, если к ним влезет злоумышленник. По ночам все четверо дышали по-разному, будто исполняя одновременно четыре разные песни. Затем дедушка заболел, его переместили под навес, и в комнате осталось лишь три голоса. Дедушка уже много месяцев не рассказывал Итяню никаких историй, поэтому теперь, лежа ночью в одиночестве на койке, Итянь думал, что его собственное тело утратило самую важную свою оболочку.

* * *

Первую историю Итянь услышал летней ночью, в шестилетнем возрасте, в тот же год, когда мать обрехала ему младенческую косичку. Влажный воздух не давал уснуть, мальчик несколько часов подряд ерзал рядом с бабушкой в кровати, и уже далеко за полночь, чтобы внук не елозил, дед сжал его ноги шершавой ладонью.

– Я тебе рассказывал про первого Желтого императора? – спросил дед.

Итянь стукнул ногой о бамбуковую подстилку.

– Для нашего народа эта история самая важная, и тебе тоже надо ее знать! – И дед пустился рассказывать: – Желтый император родился на вершине Холма долголетия, в самом его высоком месте, куда всегда попадает молния. Он был сыном фермера, из обычной семьи. Жили тогда в их краях шесть удивительных тварей, изводивших их народ... – Но вскоре дедушка сказал: – Я уже очень старый и быстро устаю. Дальше расскажу завтра.

Итянь не заметил, сколько прошло времени. Поглощенный рассказом, он не двигался, боялся отвлечься и упустить что-то из бабушкиного рассказа. Он напрочь забыл о кусачих комарах, о прилипших к потному лбу волосам, о том, что горячий воздух, похоже, навсегда таким и останется. Но он так и не заснул и жаждал услышать продолжение. Мальчик словно наяву видел Желтого императора, который придумал, как победить хитрых тварей. Итяню не терпелось узнать, что случилось дальше и увенчалась ли затея императора успехом.

– Пожалуйста, расскажи! – взмолился он.

– Если ты сейчас заснешь, завтра я расскажу тебе все до конца.

Следующим вечером Итянь припомнил деду его обещание. Дедушка продолжил рассказ: Желтый император научил людей строить убежища и одомашнивать скотину, отчего народ стал процветать.

– А дальше что было? Еще случилось что-нибудь страшное?

– Завтра узнаешь. – Дедушка зевнул и перевернулся на бок.

Про Желтого императора дедушка рассказывал восемь дней, а затем последовала новая история – про его преемника, Юя Великого. Спустя месяц они добрались до династии Хань. И таким вот образом за триста шестьдесят пять вечеров они преодолели четыреста семьдесят лет истории.

Дедушка продолжал рассказывать, пока не поведал внуку все двадцать четыре “Династийные истории”, охватывающие события пятисотлетнего периода. Дедушка знал их наизусть – заучил на всякий случай. Полагаться на записанные на бумаге слова ненадежно, говорил дед. Книги легко уничтожить. Порой военные, иногда японцы, но чаще наши же, китайцы, решаются на предательство, совершают набег на деревню и забирают всех мужчин. Поля они не трогают, а вот книги сваливают в кучи и сжигают. Даже эти безграмотные невежды понимают, насколько сильна власть слов. На протяжении столетий истории и рассказы сжигались, затем люди придумывали и записывали новые, а потом и их предавали огню. Память – единственное место, где словам ничего не угрожает. Дедушка хотел передать истории Итяню, чтобы они продолжали жить в памяти другого человека. Подобно разлитой по чашкам воде, рассказы сохранятся для будущих поколений.

Закончив рассказывать про историю страны, дедушка принялся за собственную историю. Восемь столетий назад его далекие предки впервые пришли на эти земли. Они брели по дорогам иссушенной провинции Хэнань и добрались до дельты реки Янцзы, где земля под их ногами была черная и влажная. В те времена люди протаптывали собственные дороги и в мире хватало неизведанных мест. Предки все шли и шли, пока вместо зарослей папоротника вокруг не загорелись цветы беламканды. И тогда торопливо, поднимая пыль, они спустились с холма в долину, и к вечеру, когда отовсюду начал напозать туман, они сложили на землю пожитки и решили остаться. Дело было весной, и им казалось, будто здесь их ждет удача – так чудесно цвели вокруг платочные деревья, и голуби, размахивая, словно платочками, крыльями, порхали у них над головами, и журчала в притоке большой реки тихая вода, пробившая себе путь через эту плодородную землю. Двадцать три поколения станут возделывать ее и кормиться ею – землей, порой плодородной, как в день их появления здесь, а порой – иногда в течение нескольких лет – сухой и бесплодной. И все же это их земля. Продлись их путь еще на несколько месяцев, и они достигли бы побережья, где намного позже возникнут самые процветающие в стране города. Но случай привел их сюда.

Это событие считалось самым значительным в истории их рода, выбитой на могильных плитах и запечатленной в семейных храмах. Столетиями камни хранили прошлое, пока в стране не развернулись кампании, целью которых было уничтожить старую историю и сотворить новую, выгодную нынешним правителям.

Итянь слушал дедушкины предостережения о том, какой опасности подвергаются книги, и ему хотелось тотчас же броситься их спасать. Его тянуло спрыгнуть с кровати и построить крепость, где книги будут в безопасности. По мере того как он рос, отношение его к рассказам деда становилось все более практичным: он ловил каждое дедушкино слово, стараясь запомнить все до единого. По дороге в школу или работая в одиночестве в поле, Итянь вполголоса пересказывал дедовы истории. Ему хотелось сбечь их, не позволить деду исчезнуть. У него была неплохая возможность прочно запечатлеть их в памяти – к тому моменту, когда дедушка заболел, они совершили четыре полных и четыре пятых круга по дедушкиным рассказам.

Деревенские жители часто говорили, что его дедушка совсем не похож на крестьянина. Тощий, ходил он необычно – скрестив руки на груди, совсем не так, как другие, те размахивали руками, шагали широко, одновременно решительно и неуверенно. Как-то раз одна женщина нашла в закромах подбитое ватой одеяние, в каких ходят грамотеи, и в шутку отдала его дедушке. Тот облачился в него, и вид у него сделался настолько внушительный, что ни у кого не хватило духу засмеяться. Лишь Итянь шепнул деду:

– Ты как будто только что из Пекинского университета!

Но он был рад, что дедушка живет здесь, в их маленькой деревне, пускай даже он остался тут ценой несбывшихся желаний юности, когда дед мечтал уехать в столицу учиться. К тому же сам Итянь вовсе не считал, что дедушка не похож на крестьянина. По ночам, разглядывая дедушкино тело, он замечал, как оно сложено, видел проступающие мышцы, натянутые сухожилия. Но за месяцы болезни и мышцы, и жилы истончились, ушли в небытие.

* * *

Когда Итянь положил ладонь на костлявую грудь деда и обнаружил, что грудь не поднимается, он первым делом попытался вспомнить, сколько времени прошло с последнего дедушкиного вздоха. Для Итяня этот вздох остался незамеченным – словно листок, опустившийся на ворох собранной в кучу октябрьской листвы. Он дотронулся до дедушкиной руки, уже заледневшей. “Я сидел тут все это время, – подумал он, – но где свидетельство моей заботы?”

Он не стал звать ни мать, ни брата. Вместо этого он приподнял одеяла и улегся рядом с дедом, головой к дедушкиным ногам, как они спали всегда. Так их и обнаружили мать с братом, когда пришли проведать. Самое верхнее одеяло много лет назад подарили на свадьбу его родителям. И там, где на ткани алел вышитый символ богатства, слезы Итяня оставили мокрое пятно.

Мать пощупала дедушку, а Ишоу помог Итяню подняться.

– Пойдем, – сказал брат.

Итянь чувствовал, как брат осторожно потянул его одной рукой за запястье, а другой обхватил за спину, и позволил довести себя до скамьи в доме. Словно в оцепенении, Итянь наблюдал, как брат набрал воды из бочки и вскипятил ее. Он и не замечал холода, пока пар от воды, вылитой на раскаленные кирпичи очага, не пополз по комнате, наполняя ее теплом. Но вряд ли же он дрожит от холода, ведь все это время он пролежал под одеялами? Потрясенный, он чувствовал на лице горячее полотенце и пальцы Ишоу, растирающие сквозь ткань его глаза и нос с засохшими под ним соплями.

Протерев брату лицо, Ишоу тихо вышел из комнаты. Итяня переполняла признательность – и за нежность брата, и за то, что он оставил его одного. Итянь хотел отгоревать в одиночку. Ишоу не оплакивал дедушку и не понял бы глубину скорби Итяня – нет, единственным человеком в семье, кто по-настоящему понимал его, был именно дед, это его истории открыли Итяню мир за пределами их собственного, крохотного. Итянь вспоминал дедушкины рассказы с небывалым прежде упорством. Сбереечь их – его долг перед дедушкой, потому что больше Итяню от него ничего не осталось.

Глава 4

Весь вечер Итянь прождал на набережной, на самом высоком месте тропинки, в надежде высматривая вдаль Ханьвэнь. Обычно они встречались здесь в пятницу по вечерам, но на прошлой неделе умер дедушка. Целую неделю Итянь тосковал по Ханьвэнь, и сейчас больше всего на свете ему хотелось поговорить с ней, но в некоторые вечера, когда работы было особенно много, Ханьвэнь не могла уйти.

Он посмотрел на два мешка с арахисом, которые принес с собой. На вопрос матери, что он такое творит, Итянь ответил, что закончит перебирать орехи на улице. Он надеялся, что недавняя смерть дедушки станет в глазах матери оправданием странным поступкам сына. Они оплакивали покойного столько, сколько полагается, после чего мать вручила Итяню джутовый мешок, набитый только что собранным арахисом, и заявила, что пора приступать к работе.

День уже клонился к закату, и Итянь осознал, как мало он успел сделать. Он ускорил работу, поспешно набирая пригоршни неровных орехов, не останавливаясь даже для того, чтобы вычистить грязь из-под ногтей или стряхнуть налипшие на скорлупу кусочки глины. Будь здесь мать, она непременно отругала бы его за такую работу. Пока не было отца, работать Итяня учили мать и брат. Мать проверяла, достаточно ли он собрал навоза и далеко ли ходил за ним, она же наблюдала, как он таскает из колодца ведра с водой – ровно ли шагает и не пролил ли по дороге.

– Сначала одно дело сделай, – говорила она, когда Итянь, растапливая печку, вдруг отвлекся, – как ты будешь делать что-то важное, если тебя даже на пустяк не хватает?

Или:

– Смотри, торопыгам часто приходится все по два раза переделывать. – Так она говорила, обнаружив камушек в рисе, который Итянь уже перебрал.

Итянь кивал, соглашался, но тотчас же забывал материнские назидания. Возможно, такие советы были полезны в ее мире, но не в том, где хотелось жить ему. Теперь, когда дедушка умер, их крестьянская жизнь казалась особенно скучной по сравнению с величественными рассказами о Пекине, с историями, к которым приобщил его дедушка. Итянь уже собирался было встать, как увидел, что через заросли аралий, отбрасывающих на землю длинные тени, к нему торопится девушка. Ее жакет распахнулся, а повязанный на голову шарф развязался, высвободив упавшие на плечи косы. Она замахала рукой, такой до странности гибкой, ну будто стропа воздушного змея. Когда-то Итянь первым делом заметил именно эти ее длинные руки и ноги, изящные, тонкие и словно танцующие.

С самой дедушкиной смерти Итянь только и мечтал ее увидеть, однако сейчас, когда вся она лучилась улыбкой, слова застряли у него в горле. Ни единой фразы для этой улыбки не придумывалось.

– Итянь! – позвала Ханьвэнь.

Он прищурился и посмотрел на ее руку. Теперь, когда девушка подошла ближе, Итянь понял, что она не просто машет – во вскинутой руке она зажала какой-то маленький прямоугольный предмет.

Транзисторный радиоприемник. Ханьвэнь остановилась и, тяжело дыша, протянула ему приемник:

– Слушай! Слушай, что там говорят!

Она подкрутила колесико громкости. "...Экзаменационная сессия в высших учебных заведениях состоится в декабре. Точные даты *гаокао*⁴ будут сообщаться учебными комиссиями

⁴ Гаокао – всекитайские государственные экзамены в вузы, проводятся с 1952 года, во время Культурной революции, с 1966 по 1976 год, были отменены, в 1977-м гаокао возобновили, их могли сдавать все в возрасте от 14 до 30 лет; участие

соответствующих провинций...” Голос диктора внезапно прервало шипение, такое громкое, что Итянь испуганно отпрянул.

– О чем это все? – спросил Итянь.

Ханьвэнь встряхнула радиоприемник, но голос диктора не возвращался.

– Очень вовремя, ничего не скажешь! Когда надо, оно не работает. Ну да ладно, – она бросила приемник в траву, – там только что сказали, что восстановили государственный экзамен!

Сердце в груди у Итяня радостно подпрыгнуло, но он постарался унять его. Надежды такого масштаба не для него.

– Как это? Не может быть.

– Мне и самой не верится. Мы только инструменты принесли, как Хунсин прибежала и велела срочно радио включить. И первым сообщением было это. Ну ты чего, не рад, что ли? – Она легонько пнула его.

Ханьвэнь взяла один из джутовых мешков, высыпала его содержимое на землю и опустилась на корточки, коснувшись плечом Итяня. Его словно электрическим разрядом ударило, но Итянь отогнал от себя это ощущение. Такие чувства по отношению к девушке после смерти собственного деда – это неправильно.

– С чего ты решила, что это правда? – спросил он. – Я поверю, только когда собственными ушами услышу.

Итянь вовсе не нарочно пытался все усложнить. Даже услышь он это сообщение лично – и тогда не факт, что до конца поверил бы. Он давно уже бросил вникать в маневры, на которые гораздо было сидящее в далеком Пекине правительство. Новые правила, новое руководство – да какая вообще разница? Ежедневные новости казались такими мудреными, что ему не удалось добраться до сути того, что же на самом деле происходит в большом мире. Председатель Мао умер, “Банда четырех”⁵ повержена. На смену Мао пришел Хуа Гофэн, и в стране начали кампанию под названием, которое, вероятно, что-то означает. Меньше чем за год Дэн Сяопина успели репрессировать и оправдать. Погоду предсказывать и то проще, чем действия Пекина.

– Значит, дикторам на радио ты веришь больше, чем мне? Так выходит? – обиженно проговорила она.

Напуганный Итянь поднял голову. Делано суровое выражение сползло с лица Ханьвэнь, и рот ее растянулся в широкой улыбке, сквозь которую колокольчиком прорывался смех, а прищуренные глаза светились радостью. Наконец радость победила, и девушка рассмеялась в голос, откинув назад голову и обнажив полоску светлой кожи над воротником жакета.

Такое безудержное счастье наконец убедило его. Ханьвэнь – девушка серьезная, приступы внезапного смеха ей не свойственны. Несколько раз он видел, как она предается веселью, однако в определенный момент она умела взять себя в руки. Несколько месяцев назад, летним вечером, долгим и бессонным из-за жары, Ишоу тайком стащил для них троих курицу. Увидев Ишоу с курицей, которую он держал за лапы вниз головой, Ханьвэнь взвизгнула, осторожно погладила пальцем колючие перья на крыле, а почувствовав живое птичье тепло, отскочила. Однако позже, когда они уселись есть, среди всеобщего веселья Ханьвэнь оставалась такой равнодушной, что позже Ишоу сказал:

– Твою девушку ничем не проймешь, да? Смотри, как бы она от тебя не сбежала еще к кому-нибудь.

Брат хотел оградить его от охотниц за деньгами, но Итянь знал, что это не про Ханьвэнь.

в гаокао в том году приняло почти шесть миллионов человек.

⁵ “Банда четырех” – политический ярлык, вошедший в оборот в октябре 1976-го, так называли четырех руководящих деятелей компартии Китая, выдвинувшихся на самый верх в период Культурной революции: Цзян Цин (1907–1991), вдова Мао Цзэдуна; его зять Яо Вэньюань (1931–2005); мэр Шанхая Чжан Чуньцяо (1917–2005) и секретарь ЦК Ван Хунвэнь (1935–1992).

– И что это для нас значит? – спросил он ее. – Когда гаокао состоятся?

– Не знаю. Может, у кого знакомые в городе есть, попробуют через них узнать. По радио сказали, что в этом году.

– У нас так мало времени.

– Если бы я все еще в городе жила... – проговорила она, – в Шанхае сейчас будут круглые сутки готовиться, я даже не сомневаюсь. Им-то учебники легко достать, не то что нам. И на работе сейчас самый сезон, как учиться-то?

– Вряд ли они читали больше нашего. – Итянь сказал это, скорее чтобы убедить себя самого.

Он надеялся, что прав. Если у них нет шансов, то у кого они вообще есть? Встречаясь, они только и говорили, что о книгах. Они читали все, что под руку попадет. Неделю – “Кукольный дом” Ибсена, а на следующей неделе – “Происхождение видов” Дарвина. Иногда даже учебники по математике. А потом снова художественную литературу, Бронте или Тургенева. Чаще всего русских авторов. Книги попадали к ним бессистемно. Некоторые Ханьвэнь привезла из Шанхая, некоторые принадлежали его деду, какие-то Итянь выторговал у студентов, бродя вокруг училища в городке. Сперва он читал книгу сам, потом передавал ей. На следующей неделе она делала то же самое. По субботам они обсуждали прочитанное. Затем цикл повторялся. Время от времени один из них осмеливался выразить надежду, что однажды знания помогут им учиться в университете, но в основном, полагал он, их любовь к книгам ограничится беседами на набережной.

– Ты прав, – сказала она.

Ханьвэнь посерьезнела, к ней вернулись прежние решительность и деловитость.

– Что толку ныть? Пора приступать к занятиям.

Внезапный гудок заставил их вздрогнуть. Итянь и забыл, что уже поздно и что вот-вот начнутся вечерние новости. Он взглянул на почти не тронутый арахис. Его наверняка ждет нагоняй от матери, но какая разница? У него появилась возможность поступить в университет. Вскоре, если повезет, этот мир с его сельскохозяйственными культурами не будет значить в его жизни ровным счетом ничего.

Они отряхнули одежду и пошли домой. Из динамиков, привязанных к деревьям, прибитых к карнизам, заиграла “Алеет Восток”⁶. На полпути вниз, в деревню, Итянь услышал: “Министерство образования сегодня объявило, что в этом году в рамках эксперимента снова состоится единый государственный экзамен... Точные даты экзамена будут сообщаться учебными комиссиями соответствующих провинций...”

На этот раз он завопил от радости. Развернувшись, да так резко, что едва не шлепнулся на усыпанную гравием дорогу, Итянь схватил девушку за плечи. Пришел ее черед удивляться. Высматривая, не наблюдают ли за ними, Ханьвэнь огляделась, скорее машинально – в это время суток тут никого не бывало, – а потом рассмеялась. Такая бурная, безудержная, беззастенчивая радость была для нее слишком необычна.

– Ты бы себя сейчас видел! – Она вскинула руки, передразнивая его неуклюжесть. – Ну что, теперь мне веришь?

Он взял ее за руку, но, когда они подошли к деревне, отпустил. Итянь едва не лопался от радости, еще более сильной оттого, что узнал новости от Ханьвэнь. Из динамиков по-прежнему раздавался женский голос, бездушный и оптимистичный, однако в слова Итянь едва вслушивался.

⁶ Китайская революционная песня, написанная в середине 1930-х, в которой прославляются Мао Цзэдун и его деяния; особую популярность приобрела в годы Культурной революции, она исполнялась перед началом работы и учебы, а также перед вечерней новостной программой.

– Если я что-то еще узнаю, я тебе расскажу, – пообещала Ханьвэнь, – и составлю список всего, что надо выучить. По-моему, тебе нужно математику подтянуть.

– А тебе ничего подтягивать не надо? – Новости настроили его на игривый лад.

– Да я не в этом смысле. И вообще ты больше меня знаешь.

Они расстались уже в темноте, возле переулка, ведущего к его дому. Лишь тогда Итянь понял, что после того, как увидел Ханьвэнь, про дедушку не вспоминал – впервые после дедушкиной смерти ему удалось так надолго его забыть.

– Возможно, я поступлю в университет, – прошептал он дедушке ночью, когда в доме потушили масляные светильники и Итянь улегся рядом с Ишоу, который занял дедушкино место на койке. – Они наконец-то восстановили экзамены, – шептали его губы грубому стеганому одеялу, – тебе бы еще несколько деньков прожить – и ты бы мне помог.

С предыдущих гаокао прошло одиннадцать лет, поэтому сегодняшние новости звучали как истинное чудо. Итянь будто всю жизнь шагал по плоской равнине, и вдруг на горизонте обозначился облик его будущего. Его жизнь дала трещину, и по одну сторону расщелины остались мать, Ишоу и отец с их привычным укладом, а по другую стояли они с Ханьвэнь – надежда и возможности.

Глава 5

Итянь словно вступил в новую жизненную эпоху, полную неожиданностей. Он с изумлением наблюдал за тем, как спустя годы похожих, совершенно одинаковых дней события, следовавшие за смертью его деда, стали стремительно сменять друг дружку. На следующий день домой вернулся отец. Итянь сидел на табуретке во дворе, протирая со сна глаза, когда дверь неожиданно распахнулась.

– Мать Ишоу!

Фигура заслонила первое рассветное солнце, и на полу тенью обозначились широкие плечи и внушительная спина, которая из-за картонного короба сзади казалась еще мощнее. Так рано они его не ждали. На отце была выцветшая военная форма. Мать Итяня выронила только что принесенное из курятника яйцо, и еще теплый желток заскользил по полу.

– Па! – проорочил Ишоу, поспешив помочь отцу снять со спины короб.

От удивления Итянь встал и споткнулся о камень, через который обычно не забывал перешагивать. Он хотел поприветствовать отца, но рот не открывался, а язык, точно обмусоленный леденец, прилип к небу. Всего минуту назад Итянь лениво наблюдал за солнцем, раздумывал, к какому предмету ему готовиться сегодня, и предавался блаженству, не покидавшему его с того момента, как он узнал о государственных экзаменах.

Отец сообщил, что вернется в деревню на похороны бабушки Итяня, и поэтому похороны отложили до его приезда. Занятая похоронами мать захлопоталась и не успела ни засолить горчичные стебли и капусту, которые любил отец, ни выбить и высушить на солнце одеяла, чтобы постель к возвращению отца была свежая. Соседи говорили, что вообще не представляют, чего ей стоило в одиночку подготовить погребальную процедуру, но Итянь ни разу не слышал, чтобы она жаловалась.

Когда суматоха улеглась, Итянь пристально взглянул на отца. Все такой же широкоплечий и лохматый, с гордым взглядом, и тем не менее какой-то иной – словно стал ниже ростом и менее осанистым, чем запомнилось Итяню. Если прежде от тяжелой поступи отца, казалось, сама земля делалась прочнее, то сейчас ноги его будто бы дрожали. Итянь не сразу понял, в чем дело, но в конце концов заметил, что одна нога изогнута, точно надломленная ветка.

– Па, что-то случилось? – спросил он, показав на ногу.

Это были первые слова, сказанные им отцу по возвращении. Отец с пренебрежением отмахнулся и направился в дом. Сейчас хромота его сделалась очевидной, при каждом шаге правая нога на пару мгновений не поспевала за левой. Ишоу бросился на помощь отцу. Тот оттолкнул его:

– Да все со мной нормально, вещи лучше занесите.

Поедая лапшу, отец рассказал, что недалеко от их бараков бурей разрушило плотину и его бригаду отправили останавливать наводнение. Пробоину в плотине они заваливали камнями, один из которых упал ему на ногу и рассек ее повыше колена.

– Почему ты нам ничего об этом не писал? – спросила мать.

Отец помахал рукой, разгоняя пар над миской. Для отца мать поспешно приготовила лапшу с яйцами – блюдо, вполне достойное такого случая.

– Писал? Ты чего ж, думаешь, мне заняться нечем, кроме как писать тебе про всякие пустяки? Такие штуки – дело обычное. Я и не думал, что тут что-то серьезное. Залил царапину байцзю, чтобы грязь вытравить, да и все.

Некоторое время это помогало, однако через пару недель боль вернулась в новом ее проявлении. Теперь она переместилась в промежность и, куда бы он ни пошел, отдавала в пах.

– Они животы надорвали, смеялись надо мной, ведь я то и дело за яйца хватался! И все меня спрашивают, мол, что, яйца раздулись, может, вылить их содержимое куда-нибудь? – Отец засмеялся. – А я думал, может, такое вообще с мужиками на старости лет происходит.

Поэтому по вечерам, мучаясь от боли, он молчал. Отец так и не пошел бы к доктору, если бы однажды во время утренней гимнастики не упал в обморок, как раз когда все в бригаде дружно вытягивали ноги то назад, то вперед. Доктор в военном госпитале сообщил, что в рану попала инфекция.

– Они дали мне антибиотики, но сказали, что это уже крайняя мера. Если и она не работает, то мне отрежут ногу.

– Небеса смилоствивились над нами! – воскликнула мать.

Отец не ответил. В отличие от матери, он не был суеверным, деревенские предрассудки считал плодом воображения глупых женщин, которым больше нечем занять голову.

– Один из солдат дал мне опиум, чтобы было не так больно. Не знаю уж, где он его взял. Но перед глазами у меня словно облака поплыли. Доктор со мной разговаривает, а я и не понимаю, о чем он. Но когда я очнулся, нога была на месте. Я как раз думал, что теперь делать, когда получил ваше письмо про то, что дедушка умер. Поэтому я и запоздал.

– Значит, ты насовсем останешься? – спросил Ишоу.

– Мне сказали, что каждый месяц будут что-то выплачивать, потому что я получил увечье во время службы. И, наверное, снова пойду в поле работать.

Отец вытянул из-под стола ногу и закинул ступню на скамью.

– Понятно теперь, почему я не писал? У меня даже подумать об этом времени не было.

Из отцовского рта пахло пищей, и Итянь, сидевший ближе всех, отпрянул. Отец это заметил.

– Я сказал что-то такое, отчего моему ученому сыну сделалось не по себе? – Он снова рассмеялся и крутанул миску на столе.

Итянь сидел, опустив глаза. Он был уверен, что истинной причины, по которой он так себя повел, отец не знает, иначе так легко не отстал бы. К счастью, на этот раз отец не стал заострять на этом внимание и принялся расспрашивать Ишоу об урожае.

* * *

Прежде отец всегда приезжал на новогодние каникулы. Итянь это знал и успевал подготовиться к его приезду, умел настроиться, молчать, пока говорит отец, за столом ждать, пока отец не начнет есть первым. На этот раз он пришел в замешательство. Тело будто бы не успело отвыкнуть от свободы, в которой жил, когда отца не было дома.

Первые три дня Итянь отца почти не видел. Тот спал до обеда, а днем часто ходил по соседям. За ужином отец выпивал несколько рюмок байцзю. Итянь обнаружил у отца новую привычку – за ужином тот неосознанно потирал больную ногу. Одной рукой он подносил ко рту палочки, а другой, круговыми движениями, водил по бедру.

– Отец, очень больно? – спросил как-то во время ужина Ишоу.

– Когда выпьешь, полегче, – ответил отец.

Выпить он всегда был не прочь, но Итяню запомнилось, что раньше он пил меньше. Дед спиртного в рот не брал, в этом заключалось одно из различий между ним и отцом. Дед стремился сохранить разум ясным, отцу же нравилось, когда сознание замутняется, потому что тогда он, как ему казалось, переносился в мир более лучезарный.

“Как мы тебя воспитали?” – словно услышал он голос дедушки. Итяня точно по лицу ударили. Он же всего лишь хотел посочувствовать отцу. Он поспешно вышел со двора и остаток утра бродил по холмам вокруг деревни, угрюмый и обиженный.

Итянь раздумывал, пробудит ли дедушкина смерть хоть какие-то чувства и в отце, однако ничто на это не указывало. Отец почти не упоминал о смерти деда, ограничившись сказанными на похоронах дежурными фразами. Они вовсе не были свидетельством искреннего горя – Итянь знал, что его отец просто вел себя как и положено: соблюдение традиций важно и для репутации, и для возделывания земли.

Отцовское равнодушие не укладывалось у Итяня в голове, хотя оно лишь подтверждало холодность, с которой тот всегда относился к дедушке, не снисходя даже до презрения. Когда отец приезжал на побывку, они с дедом молча передавали друг другу еду за столом, безмолвно ходили по дому, не замечая друг друга, и даже тени их практически не соприкасались.

Глава 6

Тем вечером Итянь решил освежить в голове содержание “Династийных историй”. Какие-то их фрагменты наверняка войдут в программу экзамена по истории. Отец с Ишоу ушли к соседям выпить и сыграть в карты, поэтому дом был в его распоряжении.

Он поставил на пол жаровню и разместил по обе стороны от себя две скамьи. На одной он разложил записи, а на другую, шаткую и расхлябанную, примостил светильник. Он вытянул ноги и довольно вздохнул, предвкушая весь вечер за чтением. На колени он водрузил мешок жареных подсолнечных семечек, которые мать привезла утром из городка. Итянь сунул нос в мешок и вдохнул насыщенный аромат, оставшийся на скорлупе после обжарки. Итянь решил, что будет заниматься и грызть семечки.

Едва он успел открыть книгу, как услышал шаги – это возвращались отец с Ишоу. Итянь собственным ушам не поверил. Он ожидал, что они вернутся намного позже, когда он уже уснет.

Вместе с ними явились Дядюшка и Забулдыга. Оба гостя кивнули Итяню.

Итянь боялся, что его выгонят из комнаты, но отец, словно не замечая его, позвал мать и потребовал накормить гостей ужином.

– Я и не знала, что ты к ужину вернешься! – воскликнула она.

Она высыпала на блюдо весь имевшийся в доме арахис и поставила блюдо на стол.

Пока мать хлопотала у стола, Итянь переместился в угол, где и съежился. Равнодушие отца – подарок, однако Итянь по опыту знал, что того и гляди лишится этого подарка.

Он принялся читать записи.

Император Тай-цзун решил существенно расширить границы империи, вступив в войну с тюрками и Тибетом...

У Цзэтянь заняла трон и основала собственную династию, однако та просуществовала недолго...

Как Итянь ни старался, толком сосредоточиться не получалось. Он никак не мог забыть о том, что рядом отец и гости.

Отец разливал выпивку и приносил тосты.

– С меня хватит, – запротестовал Забулдыга, – я человек пожилой, и как прежде мне уж и не выпить. Иначе утром не поднимусь.

Будь на его месте кто другой, отец уперся бы, но Забулдыгу в деревне уважали. Когда во время войны деревню заняли японцы, именно Забулдыга придумал, как спрятать всех деревенских в окрестных холмах, благодаря чему все выжили. В деревне эта история превратилась почти в легенду. Забулдыга до сих пор не утратил силы – в деревне часто видели, как он тащит полные ведра воды, повесив их на перекинутую через плечи палку. В такие моменты те, кто помоложе, бросались ему на помощь и укоряли, что он не бережет здоровье. Итянь считал, что Забулдыга преувеличивает свою немощь.

– Ну и ладно, тогда твою рюмку Дядюшка выпьет, – сказал отец.

Дядюшка жадно схватил рюмку. Про него ходила слава игрока и выпивохи, который того и гляди разорится. Образ жизни сказался и на внешности: изнуренный Дядюшка казался старше своих тридцати пяти.

– А знаешь, я как старше стал, то мне и выпивка легче ложится, – сказал отец, – мы в армии вообще много пили. Там скучища была, а чем еще заняться-то? Месяцами баб не видали.

Они посмотрели в угол, где занимался Итянь и где под светильником по вечерам обычно вязала мать. Сегодня она ушла в спальню, сказав, что попозже приберет на столе.

Насупившись, Итянь уткнулся в записи.

– Вы даже не представляете, до чего мужики могут отчаяться. Некоторые готовы месячное жалованье отдать, только бы бабу увидеть. Мы, помнится, на кабаниху как-то наткнулись, так они решили, что она им глазки строит!

Отец раскатисто захохотал, остальные, даже Забулдыга, тоже. Итянь подумал, что все они уже в стельку.

Он даже обрадовался, когда, поев, они достали карты и затихли. Во всякой ситуации отец, которому жизнь во всех ее проявлениях представлялась черно-белой, умел инстинктивно просчитывать победителя и проигравшего, поэтому карты очень любил. Ему нравилось дразнить удачу, спиртным притупляя очевидность исхода, уравнивая шансы успеха и провала. Итянь считал такой навык необычным, сам он карты не любил, потому что часто проигрывал. Успех в игре требовал интеллекта совсем иного качества, нежели тот, который ценили они с дедушкой. Итянь не считал отца дураком, просто в центре его мыслей было то, что Итяня совершенно не интересовало. Отец, например, прекрасно знал, когда какой сорт риса следует сажать – в зависимости от погоды зимой он умел точно предсказать ливень.

Спустя некоторое время Дядюшка спросил:

– Ты, значит, навсегда вернулся?

– Да все из-за ноги, – ответил отец, – что мне там теперь делать? Да и в поле как работать? Хорошо хоть, у меня такой сын есть.

Итянь удивился, что отец наградил его такой похвалой. Может, дело в спиртном, или это из-за гостей, а может, возраст виноват, но надежды Итяня наконец оправдались: отец стал лучше понимать его. Итянь поднял голову и увидел, что сидящие за столом смотрят на Ишоу и улыбаются. Ну конечно. Какой же он глупый – предположил, пускай всего на миг, что это на него направлена отцовская гордость. Ведь так всегда было. Ишоу – любимый сын, сильный и умелый, прямо как сам отец. Итянь же, в отличие от него, тощий и слабенький и, до недавнего момента, еще и коротышка, потому и толку от него немного. Вместо того чтобы трудиться на благо семьи, как пристало хорошему сыну, читает книги и декламирует стихи, словно это деньги принесет.

– Вы гляньте только, – отец приподнял руку Ишоу и сдвинул его бицепс, – он еще мальчишкой был, а уже мужскую работу делал. Отцовская надежда. Есть кому присмотреть за мной на старости лет. О нем волноваться нечего. – Отец умолк, бросил в рот арахис и громко захрустел. – Не то что этот.

Итянь вспыхнул и съежился.

– Да будет тебе, – проговорил Забулдыга.

– Посмотрю-ка, во что это он там уткнулся, – сказал отец.

Итянь слышал приближающиеся шаги отца, походка словно заикающаяся. Шаг, затем шуршание песка по полу – ш-ш-ш – и снова шаг.

Руки Итяня задрожали. Он и сам не понимал, отчего так испугался. Прошло уже много лет с тех пор, как за какую-то неловкую ошибку отец устроил ему взбучку, и сейчас, когда в доме гости, такое вряд ли произойдет. К тому же Итянь ничего плохого не сделал. И все же теперь, когда дедушки не стало, он чувствовал, что какая-то часть его беззащитна перед отцовскими насмешками.

Отец цапнул со скамейки листок и принялся водить по строчкам указательным пальцем, всматриваясь в написанное.

– Буковки у тебя малюсенькие и друг на дружку наскокивают, прямо как у деда. Тот все хвастался своим расчудесным почерком. Не то что у меня, я-то как курица лапой, – бормотал отец.

Присев на корточки, он уставился Итяню в глаза, и Итянь удивился, что больная нога выдерживает такую нагрузку.

– Ты много чем на него похож, ты сам-то знаешь? И букочки маленькие... И силенок мало.

Отец положил огромные ладони Итяню на плечи и надавил. Итянь чувствовал, как его тело уступает.

– Посмотри на себя, вечно за учебой. А зачем?

Итянь молчал. Отец выпрямился и поморщился:

– Я спросил – зачем? Я тебе вопрос задал!

Итянь жалел, что не вышел из комнаты, едва отец вернулся домой. Глупо было полагать, что отец, напившись, позволит ему спокойно сидеть рядом.

– Я к гаокао готовлюсь, – пролепетал он.

– Ага, твой брат говорил. Сказал, что ты надумал экзамены сдать, чтоб тебя в университет взяли. – Отец махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху. – Давай по-мужски поговорим. Кто заплатит за твой университет?

– Говорят, правительство выделит стипендию... – выдавил Итянь.

– У тебя на все ответ найдется, да? – Отец разразился лающим смехом, на этот раз невеселым.

Звук, тихий и резкий, ударил Итяня по ушам.

Отец повернулся к Ишоу и сказал:

– Совсем он тут у вас распустился, пока меня не было. Поэтому и стал такой. Я тут понаблюдал за ним – он даже по дому не помогает. Твои мать и дед разрешали ему целыми днями с книжкой сидеть.

– Неправда. Я помогаю Ма!

Иногда, возмущенный отцовскими нападками, Итянь не выдерживал, и в таких случаях дело почти всегда заканчивалось оплеухами. Итянь сам не знал, почему так поступает, ведь Ишоу с дедушкой не раз предупреждали его, что перечить отцу не следует, что это бессмысленно. Со своей низенькой табуретки Итянь видел возвышающуюся над ним фигуру отца, а за его спиной – Ишоу. Брат, глядя на Итяня, качал головой, предостерегая от дальнейших споров.

– Пора нам по домам, – сказал Дядюшка, и они с Забудыгой переглянулись.

Итянь и прежде замечал, как люди переглядываются, когда его отец выпьет лишнего. От этого ему всегда делалось неловко за отца.

– Нет-нет, не уходите, – язык у отца заплетался, – давайте-ка послушаем, что парень нам скажет. То есть по-твоему выходит, что работаешь ты достаточно, да? По-твоему, того, чему тебя дед научил, тебе хватит? Мне вот лично хватило мозгов понять, что это мне не сгодится. – Отец привалился к стене, но голос у него внезапно налился силой: – Знаешь, где твой умный дедушка в конце концов оказался?

Неожиданно Итянь услышал голос Ишоу:

– Сейчас в мире много чего меняется. Возможно, у Итяня все сложится иначе.

– Нечего его защищать. – Отец даже не оглянулся.

– Снова объявили государственный экзамен... – Итянь старательно подыскивал слова, – думаешь, это просто так? Нет, на все есть причина.

Он, как и прежде, ощущал себя ребенком, однако на этот раз в нем нарастало и некое новое чувство – нежелание бояться отца, чувство, будто за плечами у него – сама судьба.

– И что же это за причина такая? Только время впустую переводить. Дед твой все учился – и без толку. Когда контру всякую ловили, за ним тоже пришли. В деревне-то у нас все делают вид, будто уважают его, вот только выдали тогда как миленького, и Партия забрала у нас землю. У него столько книг было, а он националистам помогал. Умник! – передразнивая, пропищал отец. – У нас тогда забрали все, что у нас было, и прилюдно выбрали его на площади. А после он меня в армию отговаривал идти, причем все ведь вокруг считали, что в то время это самое верное. Голова у него была забита прошлым, до него так и не дошло, что для будущего нужно

другое совсем. Вот почему Ишоу такой сильный, как считаешь? Почему он вообще выжил? Ты хоть замечал, что у нас в деревне парней его возраста вообще нет? А я, в отличие от других деревенских, носил твоей матери еду из казармы, вот в чем дело. Настоящий ум, он в этом и проявляется, а не в том, чему тебя дед учил.

В комнате повисла тишина. Наверное, подумал Итянь, все думают, что отец перегнул палку, ведь с дедушкиных похорон прошла всего неделя.

– Нет... – отец покачал головой, – в университете сидеть – только время зря терять. Пора тебе ради семьи потрудиться.

Итяня охватила паника. Он сцепил руки, потом разжал их и увидел, что на вспотевшей коже темнеют пятна чернил.

– Слышал меня? – наседал отец. – Ну-ка убери эти свои книжки.

Отец схватил тетрадь и поднес ее к светильнику. На миг у Итяня затеплилась надежда, что отец просто рассматривает обложку. Но в следующую секунду отец с силой швырнул тетрадь, и та, пролетев через комнату, ударилась о противоположную стену.

– Никчемный мусор.

* * *

Лежа в постели, Итянь почувствовал, как брат робко похлопывает его по спине. Итянь отодвинулся и притворился спящим. Ему не хотелось, чтобы в такой момент успокаивал его Ишоу, – с братом-то отец такое никогда бы не устроил.

Итяню не хватало рядом дедушки. Он сам, отец и дед принадлежат одному роду, но Итянь никакого сходства с отцом в себе не находил. Он понял бы, если бы отец просто чувствовал себя непохожим на собственного отца, – в компании местных жителей Итянь тоже нередко ощущал себя иным, – однако пожирающая отца ненависть была такой огромной, совсем другой, непристойной. Когда-то Итянь думал, что однажды спросит дедушку о том, что же произошло между поколениями, но дедушка умер, и теперь Итяню не пробиться в коконы, в которые спрятались друг от друга эти двое. Всю жизнь он будет судить о них по отпечаткам, оставленным ими в его памяти.

* * *

На следующий день Итянь слышал, как отец копается в ящиках их общего с братом комода. Судя по звукам, отец отшвырнул расческу, отодвинул одежду и полез в самую глубину ящика, за тоненьким, придавленным книгой документом.

– Это тебе больше не понадобится, – сказал отец Итяню за завтраком и показал *хукоу* – свидетельство о регистрации, необходимое для того, чтобы Итяня допустили до экзаменов. Он помахал документом и спрятал его во внутренний карман куртки.

Глава 7

ГРАФИК ПОДГОТОВКИ К ГАОКАО

Ханьвэнь написала это вверху листа, а немного ниже:

ДАТА ЭКЗАМЕНА: ... ДЕКАБРЯ

Окончательную дату еще не объявили, поэтому Ханьвэнь ориентировалась на первую неделю месяца. Лист она разлиновала, так что каждой предэкзаменационной неделе отводилась своя строка. Сверху в колонках она подписала названия предметов. Сперва Ханьвэнь сделала такой план для Итяня, а потом – для себя. Для него это был настоящий подарок. Ханьвэнь собиралась учиться на инженера, а Итянь – изучать историю, и некоторые экзаменационные предметы у них не совпадали, но и общего было достаточно, поэтому составить такой план было нетрудно. Сам Итянь ни за что не додумался бы до подобного – ему знания давались легко и естественно, а желания вполне соответствовали возможностям. Ханьвэнь, напротив, полагалась на труд и усидчивость в изучении выбранных предметов. Труд и старательность приведут тебя туда же, куда и талант, но не дальше. Такими, как Итянь, она восхищалась, потому что они обладали способностями, которых она сама была лишена.

Сегодня Итянь опаздывал, что на него не похоже. Обычно это он дожидался ее. Она сбегала с холма, Итянь смущенно смотрел на нее, а потом сдвигался в сторону, освобождая место на доске. Доску он приносил с собой, чтобы Ханьвэнь не пачкала одежду, сидя на земле, поскольку берег постоянно размывался – то дождями, то растаявшим снегом. В первые минуты Итянь был скован, позволяя вести беседу ей, но постепенно расслаблялся и начинал болтать в охотку. С их первой встречи прошел уже год, но каждый раз при появлении Ханьвэнь Итяня охватывала неуверенность, словно он вновь и вновь боялся, что она не захочет его больше видеть. А она вновь и вновь убеждала его в том, что ничего не изменилось, и эти уговоры ей нравились.

Ханьвэнь решила, что, наверное, нынче Итянь не пришел из-за того, что оплакивает дедушку. Она пробовала утешить Итяня, но, вслушиваясь в собственные слова, понимала их неубедительность и недостаточность по сравнению с масштабами его утраты. Ханьвэнь надеялась, что новость об экзаменах пробудит в нем радость, но, возможно, ошиблась. Итянь – единственный, о ком она думала, вынашивая планы отъезда. К девушкам из общежития и к местным жителям она испытывала искреннюю симпатию, но не более. Ханьвэнь постоянно напоминала себе, что переживает она не столько за Итяня, сколько за себя, потому что без него ее возможности ограничены. И если ее план сработает, то, вернувшись в Шанхай, она станет с ним переписываться. А потом, если повезет, они будут вместе учиться в университете.

Ханьвэнь прождала час, а потом вернулась в общежитие.

– Уже? – удивилась Пань Няньнянь. Она сидела внизу на двухъярусной кровати и вязала. – Я думала, ты весь день со своим парнем проведешь.

Обычно, услышав такое, девушки в их комнате принимались хихикать и перешептываться, но сейчас никто даже головы от учебника не оторвал. Няньнянь расстроится, это очевидно. Единственная из четверых, Няньнянь не собиралась сдавать государственные экзамены и почти обижалась на других за то, что те приняли иное решение. После объявления об экзаменах она высмеивала соседок, которые после работы корпели над учебниками, а по ночам жаловалась, что светильники мешают ей спать.

Хунсин и У Мэй читали, сидя за одним столом. Они привыкли заниматься в непростых условиях, поэтому даже головы не подняли. В самые трудные дни Культурной революции Ханьвэнь пришла как-то раз утром в школу и обнаружила, что один из учителей исчез: его неожиданно отправили в лагерь перевоспитания. А когда учитель вернулся, его было едва слышно,

до того громко ученики, распаленные революционным энтузиазмом, кричали, норовя сорвать урок. Ни на что не отвлекаться – вот какой принцип стал для Ханьвэнь важнейшим.

Ханьвэнь достала из-под кровати серп – лучшие инструменты она хранила в комнате, а не в сарае, чтобы их ненароком не попортили.

– Пойду траву покосу, – сказала она, стараясь, чтобы голос ее звучал непринужденно.

Никто не обратил на нее внимания. Лишь когда она остановилась у порога поправить перекосившийся каблук, Хунсин наконец посмотрела на нее, будто только сейчас услышала ее слова.

– Ты что, сейчас траву косить собираешься?

– Да. Да, тогда на неделе будет больше времени позаниматься.

Предлог – на тот случай, если кто-нибудь примется допытываться, – она придумала заранее.

– У тебя каждая минута вокруг экзамена вертится. Помереть со смеху, – фыркнула Няньнянь.

Ханьвэнь молча вышла из комнаты.

Точильный камень лежал рядом с общежитием. Ханьвэнь так толком и не освоила мастерство заточки и обычно просила о помощи Няньнянь. Та приехала в деревню раньше всех остальных и за эти годы наловчилась рассчитывать, под каким углом прикладывать лезвие к камню, чтобы наточить его как следует. Ханьвэнь неловко водила серпом по точилу. Впрочем, острое лезвие ей было вовсе и не нужно.

Она прошла примерно половину ли и остановилась на небольшом холме, поросшем куриным просом – травой, которую, когда высохнет, используют как топливо для приготовления еды. Сейчас трава, доходящая до пояса, уже стояла сухая, но еще не так огрубела, как бывает поздней осенью. Ханьвэнь присела на корточки, так что если не вглядываться, ее никто бы и не заметил.

Неделей ранее она придумала порезаться серпом. Не сильно, но достаточно для того, чтобы на несколько недель утратить работоспособность. Тогда ее отправят в Шанхай восстанавливаться, и там у нее будет возможность готовиться к экзаменам, ни на что не отвлекаясь.

Она крепче ухватила серп. Трещины в деревянной рукоятке защемляли кожу. Указательным пальцем другой руки она осторожно дотронулась до лезвия. Палец побелел, а потом из неглубокой ранки выступила кровь. Порез получился не серьезнее царапины, какие бывают от бумаги, однако Ханьвэнь ахнула и выпустила из рук инструмент.

Девушка и не ожидала, что так испугается. Работая в поле, она то и дело обрезалась серпом, когда лезвие затуплялось или соскальзывало со спутанного пучка травы. Но порезы на руках и ногах были не слишком глубокими, на такие достаточно наложить повязку, и заживут за несколько дней, постепенно превратятся в красноватые шрамы, затеряются среди других на теле – темных, похожих на древесную кору, пятен на плечах там, где коромысло натирает кожу, и блестящих нашлапок отмершей кожи на ступнях, что остаются после лопнувших водянистых мозолей.

Ханьвэнь снова подняла серп. На этот раз она держала его крепче. Вид грубых мозолей на ладонях, когда-то нежных и мягких, вернул ей уверенность. Она глубоко вздохнула. У нее все получится. Секундная боль – вот и все, чем придется заплатить за надежду на будущее.

Она прикусила губу.

– Ханьвэнь! Ханьвэнь! Ты здесь? – слышался от подножия холма девичий голос, трава громко зашелестела. – Эй!

От неожиданности рука у Ханьвэнь ослабела, и серп беззвучно упал на мягкую траву.

Показалась Хунсин.

– Я тебе помочь пришла! А то чего ты тут одна косить будешь!

Ханьвэнь сдержала подступившие к глазам слезы. Не помедли она, и дело было бы сделано. Хунсин даже серпа с собой не принесла. Она схватила серп Ханьвэнь и принялась картинно косить траву и вязать ее в пучки. Ни дать ни взять прилежная работница, которую Партия ставит в пример всем остальным. Среди всех приехавших городских девушек Хунсин прославилась как самая капризная и при любой возможности отлынивала от работы. Она происходила из семьи когда-то знаменитых оперных певцов, попавших в опалу в самом начале Культурной революции. Впервые на памяти Ханьвэнь приятельница работала с таким воодушевлением. Как ей удалось разгадать намерения Ханьвэнь? Или Ханьвэнь так неуверенно соврала, что пробудила у соседки подозрения? Ведь от отчаянья люди меняются.

* * *

Вечером, когда Ханьвэнь мылась, на пальце, которым она трогала лезвие, уже темнела ржавая царапина. Она потеряла царапину полотенцем, кровь растворилась, и порез сделался почти незаметным. Ханьвэнь с силой надавила на кожу. Ей хотелось проникнуть внутрь этой жгучей боли.

Попытаться снова. Она способна вытерпеть боль намного сильнее.

На следующий день Ханьвэнь проснулась раньше других и внимательно осмотрела инструменты. Когда она взяла в руки серп, в кожу впилась заноза от деревянной рукоятки.

Точно обжегшись, Ханьвэнь выронила серп.

Теперь она точно знала, что во второй раз духу у нее не хватит. Она достигла самого предела смелости, точки на горизонте, к которой невозможно вернуться. Как же она позволила секунднему удивлению разрушить ее план? Ханьвэнь считала собственную решительность единственным преимуществом перед теми, кто умнее и у кого имеются связи. А теперь и решительность ее подвела.

Следующим вечером Хунсин осталась в поле, когда все остальные уже собрали инструменты и приготовились возвращаться домой. Ханьвэнь вычищала грязь из подошвы, когда в общежитие вбежала Няньнянь.

– С Хунсин беда! – закричала она. – У нее, кажется, серп соскользнул. И она вся в крови!

– Не может быть, – безучастно бросила Ханьвэнь. Ей не верилось, что Хунсин так быстро воплотила в жизнь ее план.

Спустя час прибыл бригадир Сюй. Он замотал Хунсин в кусок мятой парусины, уложил в кабину грузовика, укрыл мешками и повез в муниципальную больницу. Вечер выдался ветреный, и синяя парусина, из-под которой торчали ноги девушки, трепетала, словно легкая юбка, каких они не видели с тех пор, как приехали в деревню.

Хунсин предстояло вернуться в Шанхай. Ханьвэнь смотрела, как уезжает грузовик, и ее захлестывал гнев. Она представила Хунсин маленькой девочкой, представила ее лицо, когда родителей арестовали прямо на глазах у соседей. Ханьвэнь представила, как от смущения и стыда нежные черты Хунсин исказились, и почувствовала удовлетворение, однако в следующую же секунду ей сделалось неловко. Обвинять Хунсин – разве это справедливо? Правительство то и дело меняет свои решения, на следующий год государственные экзамены могут опять упразднить, значит, сейчас – их единственный шанс. Когда Ханьвэнь услышала об экзаменах, к ней впервые с момента приезда в деревню вернулась надежда, поэтому она прекрасно понимала, что ради этого ощущения можно пойти на многое.

В конце концов она решила, что храбрость Хунсин достойна восхищения.

* * *

Узнав о том, что экзамены восстановили, Ханьвэнь бросилась писать письмо матери. Она даже ужинать не стала, торопясь сообщить новость своей уставшей от жизни матери, которой вечерами, по возвращении с работы, было решительно нечем себя развлечь, кроме как письмами от дочери. В спешке Ханьвэнь даже перепачкалась чернилами.

“Наконец-то у нас появилась возможность, которой мы так ждали!” – ответила мать.

Ханьвэнь спросила, не знает ли та еще чего-нибудь, однако ее мать не из тех, кто собирает по окрестным переулкам сплетни, – по ее собственным словам, она достаточно наслушалась, драя туалеты. Ханьвэнь выросла, слушая отголоски гуляющих по переулкам пересудов, прикидывающихся выражением заботы, бдительности, тревоги – чем угодно, кроме как тем, чем они являлись, – радостной эйфорией от того, что тебе известно нечто тайное, и от возможности судить других. Живи она сейчас в Шанхае, то расспросила бы соседей, не слышали ли те чего о дате проведения экзаменов и об экзаменационных темах. Кто-нибудь наверняка что-нибудь да знал, у кого-нибудь оказался бы родственник, или друг, или друг друга, работающий в комитете образования провинции, – такого рода связи паутиной опутывают города.

Впрочем, даже живи она сейчас в Шанхае, все равно не могла бы позволить себе репетиторов. Ханьвэнь понимала, что семья у нее ничем не примечательная – ни связей, ни особых страданий в годы Культурной революции. Именно эта непримечательность и привела Ханьвэнь в деревню: если бы у них имелись связи получше или ее мать признали бы достаточно пострадавшей, то Ханьвэнь сюда не отправили бы. В день окончания школы, когда Ханьвэнь сообщили, что она должна переехать в провинцию Аньхой, ее мать пришла в ярость. Весь вечер она что-то сердито бормотала себе под нос, злая на весь белый свет.

– Моего единственного ребенка лишили шанса получить хорошее образование! Чему тебя научат эти безграмотные крестьяне? – сетовала она, подметая, от злости не замечая, что говорит уже не шепотом и что соседи наверняка ее услышат.

– Ма... – проговорила Ханьвэнь и покачала головой.

Новость о том, что ее отправляют в деревню, ужасная, конечно, но если кто-нибудь из соседей услышит слова матери и донесет, мать ждет куда более ужасное наказание. Возможно, с предупреждением она уже опоздала и их ближайшая соседка, тощая тетушка Фэн, которая проводит дни напролет, следя за местными детьми и сплетничая о них, уже вовсю подслушивает, приложив к стене чашку. Спустя несколько дней классная руководительница Ханьвэнь попросила разрешения забежать к ним домой, чтобы, по ее словам, поговорить по душам. И Ханьвэнь, и ее мать знали, что это означает. Душевные разговоры предназначаются для тех случаев, когда собеседника необходимо убедить в том, что верность Партии важнее собственного благополучия, и заставить его отказаться мыслить здраво.

Мать Ханьвэнь придумала план. В знак признательности за то, что учительница Ма вложила столько труда в образование Ханьвэнь, мать пригласила ее на ужин. С утра мать первым делом побежала в государственный гастроном, выделив из отложенных средств столько, чтобы хватило на кусок свинины получше того, что они могли себе позволить, – то есть толще бумажного листа и не состоящего сплошь из жира. Вечером, вернувшись с работы, мать даже мыться не пошла, а бросилась тушить мясо, которое после водрузила в центр их маленького стола. Рядом она поставила пассерованную молодую люфу с яйцами по-шанхайски, тоненькие ломтики жареной картошки, древесные грибы с морковью – и все должно было показать, как изящно мать умеет нарезать овощи, если она задалась угодить гостю.

Когда учительница Ма возникла на пороге – в съехавших набок очках, с выбившимися из пучка волосами, прижимающая к груди незастегнутый портфель, – то увидела, как мать Ханьвэнь, вся вспотевшая, мечется по кухне, а в квартире висит запах уксуса, которым пользуются

вместо очистителя. Увидев гостью, мать тотчас предложила ей чаю и семечек подсолнуха. И от первого, и от второго учительница Ма отказалась.

– Тетушка, вы это все зря, – сказала учительница, – я просто пришла поговорить о Тянь Ханьвэнь. Об угощении не беспокойтесь, просто присядьте, пожалуйста.

Мать послушалась, но сперва принесла три лучшие тарелки и три пары палочек и разместила все это на столе.

– Пожалуйста, угощайтесь, – мать положила кусок свинины на тарелку учительницы, – для нас честь, что вы пришли к нам на ужин.

Учительница вежливо откусила мяса. Она всегда нравилась Ханьвэнь. Девушке казалось, что учительница и впрямь беспокоится за нее. Она и прежде заходила к ним несколько раз – Ханьвэнь боялась, что ее будут распекать, но вместо этого учительница хвалила ее за старательность и прилежание.

– Знаю, это непросто, когда живешь в таких условиях, – говорила она, – похоже, вы хорошо ее воспитали, тетушка.

Однажды, возвращая Ханьвэнь проверенное сочинение, учительница прошептала:

– Как же жаль...

Но когда Ханьвэнь спросила учительницу, о чем она, та лишь покачала головой.

– Тетушка, скажу вам сразу, зачем я пришла, – начала учительница. Она отодвинула тарелку. – Для Тянь Ханьвэнь это лучший выход.

Ханьвэнь видела, что мать буквально затряслась от злости, но она сознавала, что вслух говорить можно далеко не все. Стиснув зубы, мать процедила:

– Она столько училась, и с таким трудом – к чему ей все это в деревне? Вы же сами говорили. Моя девочка способная.

– Это верно, но... Так для нее будет лучше.

Учительница прикусила губу, и от этого Ханьвэнь сделалось грустно. Значит, учительница Ма и сама не верит в собственные слова. Получается, она всего лишь актриса, разве что выступает не на сцене. Ханьвэнь было бы легче вынести горькую правду.

– Послушайте, – снова заговорила учительница, – если в деревне она хорошо себя проявит, продемонстрирует интерес к работе, то, возможно, она получит там хорошую должность.

– Попадет в сельское руководство?

– Тетушка, это неплохая должность.

– Говорят, всех выпускников отправляют в Аньхой. Неужто правда? В эту глушь? Вы посмотрите на нее, она же совсем еще девчонка! Совсем молоденькая, и ей придется одной жить. Одинокая молодая девушка среди всех этих деревенских мужланов. – Мать передернулась.

– Вы должны быть благодарны, многих ведь отправляют во Внутреннюю Монголию. А там куда как хуже. К тому же на Новый год она сможет приехать домой.

– А некоторых отправляют в пригороды Шанхая. Зачем ей ехать так далеко?

– Я не знаю, от чего зависят решения комитета.

– Она у меня единственная дочка, других детей нет. Муж умер много лет назад... Неужто это ничего не значит? – Мать почти умоляла.

– Несколько лет назад это имело бы значение, но сейчас правила строже. Они хотят, чтобы выпускники ехали в деревню. К тому же, тетушка, вы принадлежите к бедному сословию. Если она останется в городе, ничего хорошего ее не ждет. Даже отучившись, Ханьвэнь не получит никакой стоящей работы.

Мать скрестила на груди руки. Губы у нее дрожали, готовые произнести опасные слова.

– Послушайте... – В голосе учительницы зазвучало отчаянье. Теперь она почти шептала: – Хотите, чтобы она всю оставшуюся жизнь прожила в городе нелегально? Представьте, тетушка, какая это будет жизнь. Ведь продуктовых карточек она не получит, вы об этом поду-

мали? Хотите, чтобы она голодала? А местный комитет сейчас и правда давит, они говорят, что родителей тех выпускников, кто отказался ехать в деревню, могут уволить.

– Я...

– Мама, перестань. Ты же слышала, что учительница сказала. Я поеду.

Учительница и мать посмотрели на Ханьвэнь, удивленные тем, как внезапно она влезла в разговор. Обычно, когда взрослые говорили о ней, Ханьвэнь сидела молча, но в этот раз она решила во что бы то ни стало опередить мать. Новости так расстроили женщину, что ее сейчас не напугаешь даже угрозой потерять работу.

– Вот видите, она все понимает. – Голос учительницы снова звучал мягко.

Слова Ханьвэнь будто выкачали из комнаты воздух, и все точно сдулись.

– Как по-вашему, она когда-нибудь вернется? – почти покорно спросила мать.

– Не знаю... Лучше об этом не думать, а принимать все как есть. Надеяться на иной исход – лишь усложнять себе жизнь. – Учительница положила палочки, которые так и держала в руке, и встала. – Простите, тетушка, мне правда жаль. Спасибо за угощение, но мне пора. С остальными родителями тоже поговорить нужно.

Она ушла, а Ханьвэнь с матерью равнодушно смотрели на заставленный тарелками стол. Есть Ханьвэнь не хотелось. Неминуемый отъезд вдруг обрел для нее неожиданную притягательность. Она видела плакаты, призывающие образованную молодежь помогать крестьянам. Живописные сельские виды, позолоченные солнцем поля пшеницы, бескрайняя синь неба, и на фоне этого – городская молодежь и крестьяне. Было в этом нечто грандиозное – история, частью которой Ханьвэнь была не против стать. Но уже через минуту она сообразила, что означает такое распределение. Ей выдадут новую регистрацию, где местом проживания укажут деревню, достаточно пары иероглифов, чтобы навсегда лишиться ее жизни в Шанхае или, наоборот, позволить ей остаться с матерью. Возможно, ей никогда больше не суждено остановиться возле киоска с книгами по пути в школу, где за мелкую монетку она покупала книжку с нарисованным мультфильмом – так она выучила сюжеты всех знаменитых мультфильмов. Жарким летом она больше не пойдет на площадь, куда стекаются переулки их района, и не станет наблюдать за тем, как взрослые едят арбуз и переставляют по доске фигуры *сянци*⁷, а в лучах света порхают бабочки. Как же Ханьвэнь любила все это!

Мать молча убирала со стола. После того как она уедет в деревню, здесь всегда будет так, подумала Ханьвэнь. Каждый день мать будет ужинать в одиночестве и в тишине убирать посуду, и как же непохоже это будет на те дни, когда мать тщательно протирала стол, чтобы на нем не осталось ни единого жирного пятнышка, перед тем как Ханьвэнь сядет за уроки.

– На что ты так смотришь? – спрашивала мать, замечая, что Ханьвэнь вертится или просто отвлекается от учебников. – Давай-ка в книжку смотри, а то будешь как я.

Больше объяснять не требовалось, Ханьвэнь знала, что ее мать – единственная дочь в семье, где, помимо нее, было еще пять братьев; из детей только она не ходила в школу и винила обстоятельства в том, что так и не получила образования.

– Выучись на инженера, это профессия надежная. Без работы не останешься, – говорила мать, когда Ханьвэнь рассказывала, что ей хочется профессию, которая позволяла бы разбирать предметы и вникать в их устройство.

Такие разговоры велись в их доме много лет, с тех самых пор, как ее отец умер от туберкулеза, который подхватил в трудовом лагере. В тот же год мать подверглась гонениям как мелкий капиталист, потому что держала у них в переулке небольшое ателье, и ее понизили до чернорабочей в местном санитарно-ассенизационном комитете. Ханьвэнь было тогда семь лет.

Оставшуюся после ужина с учительницей еду они доедали несколько дней. На тушеной свинине выступил беловатый жирный налет. Когда Ханьвэнь с матерью шли по переулку, они

⁷ Китайская игра, похожая на шахматы.

встречали соседей, которые загорали, сидя на пороге под вывешенным для просушки бельем. Ханьвэнь не сомневалась – им все известно о неудавшемся ужине. Слухи проползали сквозь тонкие стены их домов и вплетались в захватывающие рассказы.

Обернувшись, она ловила любопытные въедливые взгляды и понимала, что едва они с матерью отойдут подальше, как их тут же примутся обсуждать. Ханьвэнь брала мать под локоть и дерзко смотрела на зевак.

* * *

Осенним днем Ханьвэнь покинула Шанхай и уехала в деревню Тан. Ее автобус отправлялся от школы. Утреннее небо было таким синим и безоблачным, словно природа отказывалась разделить их печаль.

Все утро мать заламывала руки. Она в пятый раз, напоследок, проверила дорожную сумку Ханьвэнь.

– Ты там поосторожнее. О политике ни с кем не говори. Молчи и просто выполняй свою работу. И люди будут тебя уважать, – наставляла мать.

Ханьвэнь кивала.

– Береги себя и будь счастлива. – Мать крепко стиснула руки Ханьвэнь чуть выше локтя. Ханьвэнь переполняла пожелания, которыми ей хотелось осыпать мать.

– Так не хочется оставлять тебя тут совсем одну, – сказала она.

– Глупости! Разве я тут одна? Это в нашем-то переулке, где сплошь сплетницы и горлопаны? Да об одиночестве тут даже и мечтать не приходится!

Ханьвэнь быстро развернулась и пошла к автобусу. Плакать перед матерью она стыдилась, ведь сама мать говорила твердо и уверенно.

Слезы полились, лишь когда она, посмотрев в окно, увидела, как мать машет рукой. В движениях руки словно воплотилось все ее одиночество.

Сидевшая рядом девушка прильнула было к окну, пытаясь разглядеть в толпе родителей, но Ханьвэнь выставила локоть и оттолкнула ее. Она видела, как мать что-то говорит, вот только из-за гремящей из громкоговорителей музыки и слова было не услышать.

*Вперед, в деревню,
На окраины страны,
Туда, где родине мы так нужны.*

Музыка надрывалась, а Ханьвэнь все вглядывалась в растрескавшиеся губы матери, которые что-то говорили ей – в последний раз.

Слов она так и не разобрала, а тут и автобус тронулся. Девушка рядом кричала на нее и потирала руку, утверждая, что Ханьвэнь ее ушибла. Ханьвэнь равнодушно отвернулась от нее и окинула взглядом автобус. Прямо перед ней сидела Хунсин – рыдала громче всех остальных. Родители постарались, чтобы дети выглядели самым подходящим торжественному случаю образом: волосы у девушек заплетены в аккуратные косы, из которых не выбивается ни единой пряди, а у юношей подстрижены аккуратным коротким ежиком. Даже сейчас Ханьвэнь не осмеливалась снять красный, натирающий шею шарф. Но она видела, что многие вокруг рыдают не стесняясь и слезы оставляют дорожки на их кукольных, словно лакированных личиках.

Автобус довез их до вокзала. Сельские пейзажи, мелькавшие за грязным окном вагона, пугали Ханьвэнь своей пустотой. Когда на смену дню пришла ночь, по зеленым полям поползли густые тени, набрякшие темнотой, в которой Ханьвэнь не видела ни единого проблеска света.

Но вдруг во мраке что-то ярко блеснуло, и Ханьвэнь решила, что это спешит куда-то фермер с фонарем. Даже земледельцы не желают задерживаться надолго в этой черной пустоте.

В поезде Ханьвэнь почти не спала и утром, глянув в зеркало, увидела, что лицо у нее серое. На платформе она протолкалась через толпу людей, выкрикивающих что-то на сельском диалекте, которого она прежде не слышала, и отыскала Хунсин. В Шанхае они не дружили, однако сейчас схватились за руки и вместе забрались в кузов грузовика, готового доставить их в конечную точку путешествия. Обычно в этом грузовике перевозили скотину. Водитель даже не отвязал веревку, которая не давала свиньям выпрыгнуть, веревка так и осталась натянута поперек кузова. Они ехали часа два, и каждый раз, когда грузовик подскакивал на колдобине, лужи свиного навоза растекалась по дну кузова все шире. Шестеро бывших школьников не разговаривали, но сбивались все теснее и теснее, так что к концу поездки они почти не занимали места. Было уже предельно ясно, что сельская жизнь вовсе не похожа на плакаты, призывающие образованную молодежь отправляться поднимать деревню. Не ждут здесь Ханьвэнь ни поля золотистой пшеницы, ни мускулистые фермеры, ни сельские хохотушки.

В общежитии их встретила девушка постарше. Как только они остались одни, она бросилась Ханьвэнь на шею:

– Ох, как же я рада, что ты приехала! Одной мне тут было ужасно тоскливо.

Румяная и одетая в телогрейку, она смахивала на деревенскую, но выговор у нее был шанхайский – окончания слов обрывались на высокой ноте.

Звали ее Пань Няньнянь, и она тоже приехала из Шанхая, но уже четыре года работает в полевой бригаде. Она была одной из первой волны выпускников, отправленных в деревню. Остальным благодаря родственникам или знакомствам удалось выбраться отсюда.

Медленно разбирая вещи, Ханьвэнь рассматривала Няньнянь. Жесткие волосы коротко, до подбородка, острижены, кожа смуглая от загара. Когда Няньнянь помогала новеньким раскладывать вещи на тянущихся вдоль стены полках, Ханьвэнь заметила у нее под ногтями грязь. Что сказала бы на это мать Няньнянь? Неужели и она, Ханьвэнь, со временем изменится здесь до неузнаваемости?

Меняться таким образом ей не хотелось ни за что на свете.

В их первый вечер они легли спать пораньше. На следующее утро началась новая, сельская жизнь Ханьвэнь. Разбудили их в половине пятого утра и отвели на завтрак – чтобы они не упустили ни секунды солнечного света.

Часть II

Наверху, в горах. внизу, в полях

上山下乡

Глава 8

1993

Вокруг висел едкий запах навоза, а само здание напоминало тюрьму: приземистые постройки из серого бетона и коридор с низким потолком, у входа в который сидел охранник.

– Я тебе говорила – в это время тут никого нет, – сказала мать Итяня.

Они обошли все четыре корпуса полицейского отделения, но двери оказались закрыты.

– Это же отделение полиции, верно? – спросил он единственную повстречавшуюся им женщину.

Женщина натирала во внутреннем дворике каменные плиты. Когда они пришли, она даже не поздоровалась, а теперь уставилась подозрительно.

– А что ж еще?

– Мы пришли заявить об исчезновении человека, – сказал Итянь.

Вместо ответа женщина лишь смерила его взглядом. Итянь повторил.

– Тут в это время все отдыхают, – буркнула она наконец.

– А когда перерыв закончится?

Женщина пожала плечами.

– Ты чего так на нас смотришь-то? – накинулась на нее мать Итяня. – Мы тебе ничего плохого не сделали, так ведь?

– Вы откуда вообще взялись-то?

– Из деревни Тан. Отсюда. Ясно тебе, сестрица? Этого хватит – или рассказать, где у нас дом?

– И он тоже? – Женщина прищурилась.

Мать взяла Итяня под руку:

– Он мой сын.

Она потянула его прочь от уборщицы, бормоча под нос – мол, бывают же такие невоспитанные.

В отличие от этой уборщицы, деревенские жители к грубостям склонности не имели, однако и помощи никто тоже не предложил. После Дядюшки к ним заходили и другие соседи, и все они задавали одни и те же вопросы, словно они отрабатывающие сценарий актеры, а их дом – декорации для постановки. Как ему живется в Америке, какая у него зарплата, как выглядит его дом, есть ли у них телевизор, почему у них с Мали нет детей? Потом он выслушивал, как каждый гость перечисляет достижения своих детей, одна история перетекала в другую. После каждого такого визита Итяня ненадолго охватывала странная гордость – за то, каким он предстает в их глазах, – и стыд за эту гордость. Всего год назад они с Мали покупали всю

одежду в секонд-хендах (он однажды сказал об этом матери, и та разрыдалась, хотя позже, похоже, напрочь забыла). У него было жутковатое ощущение, будто это не он тут, а его двойник, достигший всяческих успехов и заслуживший похвалы соседей.

Когда он заговаривал об отце, гости неодобрительно качали головами и удивлялись – дескать на его отца это не похоже. Итянь ожидал, что они наперебой станут предлагать помощь. Так вот, значит, как за все эти годы успела измениться страна? Они стали как американцы: каждая семья замкнулась в своем мирке и готова выйти из него, только если это не доставит никаких неудобств. Итянь надеялся, что отклик будет примерно таким же, как в детстве, когда тетушка Шань, их соседка, однажды вечером не вернулась к ужину. У нее начиналась деменция – правда, это слово Итянь узнал намного позже. Он помнил, как бабушка и мать вместе с остальными соседями с ног сбились, прочесывая окрестности, пока старушку наконец благополучно не привели домой.

Мать предупреждала, что в это время дня в полицию ходить без толку, но Итянь настоял. Они уже и так потеряли день, потому что общественная деревенская машина использовалась для других нужд. “Тьфу ты! – выбранилась мать. – Наш новый председатель раскатывает на машине, прямо как будто это его собственная. Небось бабенку свою возил куда-нибудь”.

Сейчас Итянь чувствовал себя глуповато, ведь он-то ожидал большего. Он стыдливо гнал прочь порожденные воображением картинки: вот они быстро заходят в отделение полиции, вот объясняют полицейским, что произошло, а те немедленно берутся за расследование. Они осмотрят окрестные деревни, будут заходить с расспросами в дома, вывешат объявления с фотографией отца и его приметам. Сельчане, чьи лица слились в его воображении в одно, станут названивать в полицию. Со стыдом Итянь признался себе, что картинки эти он почерпнул из американских телесериалов про пропавших детей, которых ищет полиция. Благодаря этим мыльным операм у него сложилось впечатление, что полицейские выполняют работу ловко и умело и что рано или поздно дети непременно возвращаются в свои теплые постельки в доме, где их ждут.

* * *

В половине третьего в отделение все же явился полицейский. Он раздавил ногой сигаретный окурочек и пробормотал, что ездил на срочный вызов в соседний городок. Волосы у него торчали во все стороны, а глаза были красные, больные. Он провел их в кабинет, где все стены были увешаны заметками и постановлениями, их было так много, что бумаги налезали друг на друга слоями. А вот столы, напротив, поражали пустотой и порядком. Единственным местом, где наблюдались признаки жизни, был дальний угол, здесь вокруг кофейного столика сгрудились кресла, а на столике валялись кости для маджонга и темнели кучки подсолнечной шелухи.

Цементные стены дышали холодом, и Итянь зябко поежился.

– Итак, чем могу помочь? – Полицейский жестом пригласил их присесть за стол в углу. Кожа у полицейского была грубая, веснушчатая, какая бывает у тех, кто всю жизнь провел на солнце. Даже в этом отделении полиции, которое едва ли толком выполняло свою работу, он выглядел не к месту.

– Мой отец пропал.

– В смысле?

Полицейский равнодушно поглядывал на них, откинувшись на спинку стула и сцепив на животе руки.

– Он ушел... – описывая случившееся, Итянь по-прежнему с трудом подбирал слова, – неделю назад он ушел из дома и не вернулся.

– Вы поссорились?

В какой-то степени ответить следовало утвердительно. Однако случилось это много лет назад, а полицейский, видимо, говорил о семейной ссоре.

– Нет, – встряла мать, – мы никогда не ссоримся.

– Значит, вы не ссорились и он просто ушел?

Полицейский говорил так, что Итянь почувствовал себя дураком. Он выжидающе посмотрел на мать в надежде, что на этот вопрос снова ответит она, но та съежилась и вжалась в стул.

– Никто за ним не приходил? – Полицейский подался вперед, обращаясь к матери.

– Нет, – наконец ответила она, – он просто взял и ушел.

– И не сказал, куда идет?

Она покачала головой.

– У мамы была одна идея, – сказал Итянь, – мы подумали, что он, возможно, пошел к казармам, где когда-то служил. Кроме деревни и казарм, он больше нигде не жил.

Полицейский хлопнул ладонями по столу, отчего единственный лежащий там листок бумаги подскочил.

– А, ну тогда все просто! Съездите в эти самые казармы. Уверен, там ваш отец вас и ждет.

– Вы с нами не поедете? И не поможете связаться с ними?

– Какой в этом смысл? В наши обязанности это не входит.

– Я полагал, полиция как раз это и делает...

– Слушайте, для нас нет никакого смысла вам помогать, разве что вы чего-то недоговариваете. А если исходить из того, что вы сообщили, он ушел по своей воле. Никаким насильственным действиям он не подвергался, так? И где тогда тут преступление? Может, он пошел старого друга навестить, а вам не сказал? Люди в его возрасте много чего забывают, это обычное дело. Возвращайтесь домой и подождите несколько дней, ладно? Он в любой момент объявиться может.

Полицейский зевнул. Мать снова показалась Итяню напуганной.

– Наверное, инспектор прав, – тихо проговорила она, – возможно, твой отец просто забыл мне сказать, куда идет.

– Да брось, Па все прекрасно помнил. – Итянь повернулся к полицейскому: – Вы и правда не собираетесь ничего предпринять?

На этот раз полицейский и взглядом его не удостоил. Сунул руку в карман и выудил оттуда пачку сигарет.

– Не хотите помогать, ну и ладно. В Хэфэе, в мэрии, у меня есть друг, который мне поможет. А еще ему наверняка будет интересно, как в сельской полиции относятся к обращениям от местных жителей. Просто я решил сперва прийти к вам, потому что в моем детстве, помнится, местные полицейские были очень отзывчивыми.

Итянь удивился собственной напористости. У него возникло странное ощущение, что если он сейчас поднажмет, не отступится, то исправит все свои ошибки, допущенные в отношениях с отцом. Полицейский сперва дерзко посмотрел на него, а потом выругался.

– Ладно, пишите заявление.

Он положил на стол анкету и принялся наполнять чернилами ручку так сердито, что темная жидкость расплескалась по поверхности стола и забрызгала ему руки.

– И чем нам поможет заявление? – спросил Итянь.

– Ваше имя? – Рука полицейского зависла над первым прямоугольником в анкете.

Итянь вздохнул и сдался. Он так ждал помощи от полиции, но теперь понимал, что это заявление просто уберут подальше, похоронят в каком-нибудь ящике. Он стал очередной жертвой бюрократии, которая лишь создает видимость работы.

– Национальный идентификационный номер?

Итянь зачитал номер из свидетельства о регистрации.

– Не регистрацию. Национальный идентификационный номер, – повторил полицейский.
– У меня такого нет. Только регистрация.

– Ну тогда ничем не могу помочь. – Полицейский с торжествующим видом отшвырнул ручку.

– Разве регистрации недостаточно? Какая разница?

– У вас что, идентификационного номера нету? В чем вообще дело?

Когда Итянь еще жил в этой стране, ничего подобного здесь не было.

– Запишите мой, вот. – Мать зашелестела документами – большую, стянутую резинкой пачку она принесла с собой. Но ее блестящую ламинированную карточку полицейский даже не взял. Он не сводил глаз с Итяня.

– Согласно Временной декларации 1984 года о документах, удостоверяющих личность, все граждане нашей страны обязаны иметь национальное идентификационное удостоверение. И если у вас такого нет, то это преступление. Я могу вас оштрафовать.

– Преступление? Вы о чем? – Мать вскочила. – Мы пришли заявить об исчезновении человека, мой муж пропал, а у вас хватает наглости обвинять нас в преступлении?

– Тетушка, успокойтесь. – А вот к Итяню полицейский обратился намного строже: – Все граждане обязаны иметь действующие удостоверения личности. Где вы жили, что с 1984 года обходились без него?

Итянь нарочно не упоминал, что живет в Америке. Единственное удостоверение личности, которым он пользовался последние годы, – это вид на жительство в США, который даже сейчас лежал в прозрачном кармашке бумажника, чтобы при необходимости можно было предъявить. Еще два года назад они с Мали и мечтать не смели, что получают этот документ. Америка не хотела видеть их среди своих граждан. Но затем случилась бойня на площади Тяньаньмэнь. Целый месяц они с Мали просиживали вечера перед их маленьким телевизором, и Итянь все думал, как место, которое он считал домом, превратилось в сероватую картинку внутри квадратного ящика, откуда вещает белокожая ведущая. Они с Мали высматривали знакомых в толпе студентов, съехавшихся со всей страны, чтобы принять участие в протестах, – ради того, чтобы добраться до Пекина, они набивались в железнодорожные вагоны, спали в проходах и висели в окнах. Итянь и Мали вместе с другими живущими в Америке китайцами устраивали на улицах собственные акции протеста, и даже Стивен однажды подошел к нему и сказал:

– Похоже, наша страна наконец меняется.

Наша.

В день, когда на площади появились танки, Мали, глядя на репортаж, заплакала, и Итянь взял ее за руку.

– Это ведь совсем рядом с моим домом, – сказала Мали.

– Будь я сейчас там – тоже вышел бы на площадь.

Итяню казалось, будто он избежал участи, которой не имел права избегать.

“Какая трагедия! – говорили ему американские коллеги. – Правительство так ненавидит демократию, что убивает собственных граждан”.

В следующем году по телевизору показали, как американский президент подписывает указ, согласно которому, чтобы спасти китайских студентов от политических репрессий, им предоставят вид на жительство в США. Итянь считал такой подход неправильным: получается, что им нужна защита от собственной родины. Защита – понятие зыбкое, включающее как защищаемого, так и защитника, вот только кто этот последний, Итянь определить не мог. И все же он, безусловно, получил безопасность, к которой так стремился. Именно об этом он думал, подписывая бумаги, привязывающие его к новой стране.

Сейчас он, смущаясь, сообщил полицейскому, что он давно уже эмигрировал в Америку.

– Ясно-ясно. Теперь все понятно! Что ж вы сразу-то не сказали?

Извинившись, полицейский сказал, что ему надо позвонить, и вышел в соседний кабинет, но от волнения закрыл дверь неплотно. Итянь слышал, как он возбужденно рассказывает кому-то, что к ним заявился американец.

– Я ж тебя предупреждала, чтоб ты молчал, – буркнула мать.

* * *

Вернулся полицейский не один – привел с собой начальника, мужчину помоложе и явно лучше одетого, с цепким взглядом человека, привыкшего судить и оценивать, человека, который испытывает радость, отказывая.

– Инспектор По ввел меня в курс дела, – сказал начальник. Он говорил с невнятным жестким акцентом, похожим на тот, который освоил и сам Итянь, уехав из деревни. – Такие, как вы, у нас редко появляются. – Между фразами он подолгу молчал и многозначительно смотрел на Итяня.

На мать Итяня он не обращал ни малейшего внимания.

– Итак, по вашим словам, у вас пропал отец. Мы найдем его, я даже не сомневаюсь. Он ведь человек пожилой, верно? Вряд ли он успел далеко уйти. Мы свяжемся с другими деревнями.

– Если нужно, я сообщу его приметы. И вот фотография. – Итянь отдал полицейскому единственный имеющийся у них снимок отца.

С черно-белого фото смотрел мужчина почти на сорок лет моложе отца сегодняшнего, совсем недавно поступивший на военную службу. Он казался высокомерным, явно гордым, словно за секунду до щелчка затвора бросил фотографу какую-то остроумную колкость.

– Да, конечно, это пригодится. Вы очень сообразительны, наверняка потому, что столько лет прожили за границей. – Начальник взял снимок, даже не взглянув на него. – Как раз такая информация нам и нужна. Но работа нам все равно предстоит немалая. Я отправлю на поиски всех наших сотрудников, а значит, здесь, в отделении, никого не останется. Вдруг, пока их не будет, в городке что-нибудь случится? Вы же понимаете, какую сложную задачу нам задали?

– К чему вы клоните? Разумеется, я вам крайне признателен.

– Мы ценим вашу... признательность. Но, видите ли, на признательности далеко не уедешь. Больше у вас ничего не найдется? Чтобы помочь нам? Ведь место здесь небольшое, и ресурсов, как вы понимаете, у нас мало. Не то что у вас в Америке.

Удивительно, но от этих слов Итяню стало легче. Внутри у него будто что-то щелкнуло, и он смирился. Извинившись, Итянь вышел в коридор, пересчитал деньги и прикинул, сколько может дать. Он свернул банкноты в плотную трубочку, надеясь, что будет незаметно, насколько там мало. В трубочке было меньше четверти его месячной зарплаты. Остается ли у него выбор? Откажись он давать взятку – и его сочтут скупым, тем, кто не желает даже немного заплатить за возможность найти отца. Итянь не сомневался, что его мать заметит этот грустный факт, пусть даже вымогательства ее и возмутили. Если уж он не в состоянии помочь, то лучшее, что он может сейчас сделать, – это механически карабкаться по лестнице обязательств.

Протянув банкноты начальнику полиции, Итянь ожидал, что тот потребует больше, но, к его удивлению, начальник просто спрятал деньги и широко улыбнулся – не фальшиво, как прежде, а с искренней радостью.

Это двуличие подсказало Итяню, что деньги он потратил впустую. Полицейского распирали смех, он и сам не верил, что дело выгорело. Едва они с матерью уйдут, как полицейские поделят деньги, а про его отца забудут. Разве что вспомнят легковверного иностранца, оплатившего им выпивку на несколько недель. Они станут высмеивать его, ведь он, заделавшись американцем, перестал понимать местный уклад, и насмешки эти будут даже злее, чем адре-

сованные настоящему белому американцу, ведь в них прячется гнев на соплеменника, перед которым открылся целый мир, недостижимый для них самих.

* * *

Позже они с матерью медленно и молча брели по главной улице. Мать даже не выбрала его за взятку. Между ними висела тяжелая недоговоренность, они будто не желали признавать, что так быстро зашли в тупик. Из лавок выходили женщины. Встав у порога, опершись на метлу, глазели на них. У губ залегли глубокие морщины, в которых затеряются любые чувства. Холод, похоже, на женщин не действовал. Итянь был уверен, что о появлении американца знает уже весь городок. В детстве городок этот казался таким невероятно заманчивым, Итянь и Ишоу неделями ждали поездки сюда. Такие путешествия совершались только по какому-то особому поводу, но когда дела были сделаны, они с братом бежали на эту улицу и жадно разглядывали витрины магазинчиков, где продавалась изысканная еда, им недоступная. Ишоу, более обаятельный из них двоих, иногда смотрел на лавочниц такими глазами, что женщины, сжалившись, выносили им остатки лакомств. Эти женщины, сидящие за деревянными прилавками, тогда считались воплощением могущества и власти, а сейчас лавочки выглядели замызганными и бесконечно провинциальными. Даже запах еды казался Итяню скорее грязноватым, нежели аппетитным. Единственным, кто не обращал на Итяня и его мать внимания, был мальчик, который вел за собой на веревке корову. Мальчик и корова уже прошли мимо, а их длинные тени еще ползли по земле.

Итянь не соврал – в Хэфэе у него и правда имелся друг, которого он мог бы попросить о помощи.

– Ты же скоро вернешься, да? – спросила мать. – Ты не уедешь в Америку, не предупредив меня?

– Да с чего бы? Я не уеду, пока мы Па не найдем.

– У тебя правда друг в Хэфэе есть?

Итянь ответил утвердительно, но мать продолжала тревожиться. Он понимал ее недоверие. Он давным-давно уехал из страны, а в Хэфэе бывал считанные разы, откуда бы там взяться кому-то, кто готов ему помочь?

– Не понимаю, зачем тебе в такую даль понадобилось. Давай хоть я с тобой поеду?

Мать выискивала, что бы еще положить в сумку, с которой Итянь собрался съездить в большой город, и наконец схватила полотенце для рук. Итянь взял у нее полотенце и положил его на учебник, перекочевавший из чемодана в сумку. Целая вечность прошла с того момента, когда в Америке Итянь посмотрел на обложку и решил взять книгу с собой.

– Других знакомых на государственной службе у меня нет. К тому же вдруг Па вернется, а дома никого?

Мать посетовала, что он, разумеется, переплатит за такси. Итянь не ответил – при расставании он предпочитал не поддаваться секундным эмоциям.

– Через несколько дней увидимся, – пообещал он.

Итянь убеждал мать возвратиться в дом, но она стояла на выезде из деревни, пока машина не скрылась из виду. С отцом она никогда и не думала препираться подобным образом. Когда между ними возникало несогласие, мать просто меняла точку зрения. Ее отношение к Итяню больше напоминало не любовь, а обязательства, впрочем, возможно, такие, как она, различия не видят. Она гордилась своей силой и способностью работать наравне с мужчинами, при всем том считала себя послушной женой, не замечая противоречия.

Глава 9

В последний раз он получил весточку от Ханьвэнь три года назад. Тогда она написала, что ее мужа назначили на государственную должность в Хэфэе.

Невероятно, да? – писала она. – Не знаю, как это произошло. Он не имеет никакого отношения ни к городу, ни вообще к провинции Аньхой, поэтому как же удивительно оказаться именно здесь. Когда он мне об этом рассказал, я сразу подумала о тебе. Я и не ожидала, что снова вернусь в те места.

Это было ее первое письмо за многие годы. Итянь не знал, как она нашла адрес учебной части университетской аспирантуры, куда обычным зимним вечером и пришло письмо. Итянь уже собирался домой. Чуть раньше ему позвонила Мали – сообщила, что миссис Сюзанна повысила ей зарплату, и надо, мол, это отпраздновать. Итянь собирался купить ей цветы.

Перед уходом он просматривал почту, и вдруг в глаза бросилось ее имя, написанное на коричневом конверте. Итянь перечитал его еще раз, чтобы удостовериться, что ему не мерещится. Он никогда не видел, чтобы она писала по-английски, и буквы на конверте кренились с несвойственной ей небрежностью.

После этого письма Итянь надеялся – виновато, но все же надеялся, – что последуют и другие письма. Когда адрес учебной части изменился, он написал ей, чтобы у Ханьвэнь был и новый адрес. Теперь, когда она живет в этой провинции, ее будут часто посещать воспоминания об их деревне и времени, которое они провели вместе. Итянь подумал, что, возможно, она даже будет сопровождать мужа в поездках по окрестным деревням. И не исключено, что однажды за поворотом дороги она вдруг увидит холм, который напомним ей о берегу реки, на котором они когда-то сидели и вместе читали, – и тогда она бросится домой и напишет ему письмо обо всем, что она видела, и о том, как увиденное воскресило в ее памяти воспоминания о нем.

С тех пор, забирая почту, он всегда тщательно рассматривал каждый конверт, выискивая неровные буквы, но от Ханьвэнь больше ничего не приходило. Порой ему хотелось написать по тому адресу на конверте, однако тут же мысли его устремлялись к Мали. Письмо он сунул в ящик в кабинете – туда Мали никогда не заходит.

Сейчас он даже не знал, живет ли Ханьвэнь по-прежнему в Хэфэе. Чиновников без предупреждения переводят с места на место – последствия интриг в высших эшелонах власти, и, возможно, Ханьвэнь боялась беспокоить Итяня.

Единственным источником информации оказалась статья, появившаяся год назад в “Сынг Тао Дейли”, одной из немногих китайских газет, доступных в Америке. На статью он наткнулся неожиданно, днем в воскресенье, когда они с Мали вернулись из супермаркета. Походы по магазинам всегда утомляли Итяня, он теперь не понимал, как жил в стране, где атака на органы чувств куда сильнее людского гвалта и мельтешения, запаха тины из аквариумов с живой рыбой в американских супермаркетах. Итянь прилег на диван вздремнуть, но сперва решил полистать газету, перевернул страницу и с изумлением увидел под фотографией имя мужа Ханьвэнь. Дэн Сяопин приехал с официальным визитом в Аньхой, и в газете напечатали снимок, сделанный на кирпичной фабрике, которую он посетил. Из всех присутствующих на фото в фокусе был только Дэн Сяопин, пожимающий руку фабричному рабочему. Муж Ханьвэнь стоял дальше всех. Итянь всмотрелся в снимок, стараясь разглядеть мужчину, но тот стоял ссутулившись и как будто стремился слиться с фоном.

В письме Ханьвэнь тоже упоминала имя мужа, однако тогда это ощущение смягчалось расстоянием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.